

ЭВАКУАЦИЯ И ВОЗВРАТ КОЛЛЕКЦИЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ И ПРИГОРОДНЫХ МУЗЕЕВ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
7 сентября 2020 года
Музей-заповедник «Гатчина»

Эвакуация и возврат коллекций ленинградских и пригородных музеев

**Материалы круглого стола
7 сентября 2020 года
ГМЗ «Гатчина»**

ГАТЧИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

7 сентября 2020 года, в канун годовщины начала блокады Ленинграда, в Театральном зале ГМЗ «Гатчина» состоялся круглый стол на тему: «Эвакуация и возврат коллекций ленинградских и пригородных музеев в годы Великой Отечественной войны». В мероприятии приняли участие сотрудники ведущих музеев и вузов Санкт-Петербурга и пригородов. Обсуждались вопросы спасения, хранения и реэвакуации коллекций в 1940-е годы, эксплуатации музейных зданий и организации экспозиций в военный и послевоенный период.

К этой дате было приурочено торжественное открытие мемориальной доски Серафиме Николаевне Балаевой – главному хранителю Гатчинского дворца-музея в годы Великой Отечественной войны.

Эвакуация и возврат коллекций ленинградских и пригородных музеев.
Материалы круглого стола 7 сентября 2020 года. Музей-заповедник «Гатчина»
ISBN 978-5-6046845-0-4

ISBN 978-5-6046845-0-4

9 785604 684504

На обложке:

Работа по переупаковке экспонатов в музее-хранилище Ленинградских дворцов в г. Саранпале.
Старший научный сотрудник М. В. Дергачева (справа) и музейная рабочая А. А. Старова.
Август 1943. ГМЗ «Гатчина»

© Издание СПб ГБУК ГМЗ «Гатчина», 2021
Руководитель проекта – В. Ю. Панкратов
Научный руководитель – А. Н. Фарафонова
Составитель – М. В. Кирпичникова
Корректор – Н. Ю. Смирнова
Верстка – А. Л. Калиновская

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
194044, Россия, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9. Заказ 16571. Тираж 200 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Э. Кантор, главный научный сотрудник СПб ИИ РАН, проф. РГПУ им. А. И. Герцена, доктор исторических наук «Наши прекрасные дворцы изранены, они ждут нас...» Восстановление Ленинградских дворцово-парковых ансамблей в конце войны и в первые послевоенные годы: диалог музейщиков и власти	5
М. В. Кирличникова, ученый секретарь ГМЗ «Гатчина», кандидат исторических наук Эвакуация и хранение коллекций Гатчинского дворца-музея в годы Великой Отечественной войны	18
И. В. Петров, старший научный сотрудник «Музейно-выставочного центра», кандидат исторических наук Эвакуация из Ленинграда в г. Молотов: история выставочного проекта «Во имя жизни» (Санкт-Петербург – Пермь, 2019 г.)	32
П. В. Петров, заведующий отделом музейных исследований ГМЗ «Петергоф», доктор исторических наук Эвакуация и реэвакуация ценностей Петергофских дворцов-музеев в годы Великой Отечественной войны	42
Е. С. Ребриева, главный архивист ЦГАЛИ СПб Восстановление Гатчинского дворцово-паркового комплекса в 1940-х годах Обзор документов ЦГАЛИ СПб	56
Е. И. Юркевич, старший научный сотрудник ВИМАИВиВС, кандидат исторических наук Артиллерийский Исторический музей в годы Великой Отечественной войны	68
Список сокращений	76

«НАШИ ПРЕКРАСНЫЕ ДВОРЦЫ ИЗРАНЕНЫ, ОНИ ЖДУТ НАС...»

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫХ АНСАМБЛЕЙ В КОНЦЕ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ: ДИАЛОГ МУЗЕЙЩИКОВ И ВЛАСТИ

DOI: 10.48466/5154.2021.98.30.036

Ю. З. Кантор,
главный научный сотрудник СПб ИИ РАН,
проф. РГПУ им. А. И. Герцена, доктор исторических наук

«Мы, вернувшие миру тысячи занятых оккупантами городов... за то мы дрались, чтобы все вернуть, все, что у нас отнято фашистами. У нас создавалась красота, от утраты которой человечество всего мира чувствует себя беднее. Мы ее и должны воссоздать. Наши прекрасные дворцы изранены, они ждут нас... То, что уцелело, — это же все живое! Раненое, но живое! Надо только ничему не дать затеряться и погибнуть. И спасать, спасать сегодня, не дожидаясь конца войны! Засучив рукава работать, чтобы сохранить то, что уцелело, восстановить то, что пострадало, вернуть человечеству всего мира то, что заставит человечество чувствовать себя богаче... Восстановим и то, что исчезло»¹, — эти яростно отчаянные и одновременно мужественно гуманистичные слова знаменитого ленинградского архитектора-фронтовика Ф. Ф. Олейника, сказанные в январе 1944 года, являются своего рода эпиграфом к невероятно трудной, но в высшем смысле необходимой созидательной деятельности по воссозданию утраченных шедевров культурного наследия России.

В отношении музеев-памятников первоочередные задачи состояли в том, чтобы: 1) принять неотложные меры для сбережения того, что сохранилось, 2) установить конкретную картину нанесенного ущерба, 3) предпринять попытку выявления местонахождения и возвращения фондов².

Так, сразу же после освобождения Пушкина, Петергофа и Павловска знаменитые пригородные дворцы-музеи, вернее, их руины, были осмотрены крупнейшими специалистами, предложившими провести ряд

¹ Зеленова А. И. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб.: Арт-Палас, 2006. С. 261.

² Симкин М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. 2. М.: Сов. Россия, 1961. С. 302.

неотложных мероприятий для охраны того немногого, что сохранилось от дворцов. В докладной записке, направленной в Комитет по делам искусств, директор Эрмитажа академик И. А. Орбели считал необходимым:

«1) Немедленно прекратить доступ посторонних музейному управлению лиц во внутренние помещения Екатерининского и Александровского дворцов в г. Пушкине, Павловске, Петергофе...

2) В самом срочном порядке провести мероприятия по восстановлению кровли или установке временных покрытий над всеми теми помещениями Павловского дворца, Екатерининского дворца в Пушкине и Екатерининского Монплезира в Петергофе, где сохранились на стенах... части внутренней отделки...

3) Немедленно провести полное и детальное фотографирование... помещений...»³

В этом же документе И. А. Орбели указывал, что в отношении дальнейшей работы по дворцам-музеям «следует исходить из возможности реставрации на основании сохранившихся деталей отделки части помещения»⁴.

Вопросы подсчета ущерба, нанесенного петергофским дворцам и паркам в период оккупации, имели принципиальное значение при определении их судьбы после освобождения⁵. Одновременно было необходимо решить вопрос о восстановлении памятников культуры. С одной стороны, музейные работники стремились добиться полного возрождения пригородных дворцов и парков, включая интерьеры дворцов и музейные экспозиции. С другой стороны, в условиях послевоенной разрухи было сложно принять решение о финансировании воссоздания дворцов, тем более выполнить его.

В силу этих обстоятельств постановления органов власти разного уровня принимались поэтапно, что определило характер и порядок реставрационных работ⁶.

Судьба Петергофа беспокоила его сотрудников и в самые тяжелые годы войны, когда он был еще оккупирован. «Надо организовать опыт-

³ Симкин М. П. Советские музеи в период Великой Отечественной войны. С. 302.

⁴ Там же. С. 303.

⁵ Третьяков Н. С. [Предисловие] // Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации. В 18 т. Т. 2: Государственный музей-заповедник «Павловск». Павловский дворец [Электронный ресурс] // Культурные ценности – жертвы войны / Министерство культуры РФ. URL: <http://www.lostart.ru/catalog/ru/tom2> (дата обращения: 26.07.2021).

⁶ Павлов А. Ю., Потемкина Е. В. Определение ущерба, нанесенного дворцам и паркам Петергофа в период оккупации, и начало восстановительных работ // Дворцы и война: К 100-летию начала Первой мировой войны: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЭ «Петергоф», 2014 (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. V). СПб.: Европейский Дом, 2015. С. 189.

ную бригаду фонтанных мастеров, чтобы за зиму успеть проделать основную работу по восстановлению фонтанов (думаю, что осенью Петергоф освободится)»⁷. Это фраза из письма бывшего директора Петергофа М. М. Ребанэ, написанного в августе 1943 года из эвакуации в Татарской АССР. Он пишет, что парк надо оставить как «парк выходного дня. ...Восстановить, по-видимому, необходимо внешний вид дворца, чтобы сочетать его с фонтанами и парком. Музей, ясно, придется восстановить в западной части Большого дворца. Все другие помещения восточнее главного подъезда... надо отделить от музея брандмауэром и пустить в эксплуатацию. Часть нижнего этажа этой отгороженной части можно отвести под дирекцию, верхний этаж — гостиница, ресторан, церковь — кинотеатр, Западный флигель, включая „под гербом“, — отвести под дом отдыха. Фрейлинские дома, ферму, нижнюю дачу — под дома отдыха, гостиницы и т. д.»⁸. М. М. Ребанэ — организатор эвакуации музейных ценностей в первые недели войны, благодаря высочайшему профессионализму которого музей спас множество экспонатов. Летом 1943 года подобные проекты выглядели реалистично, пока неизвестны были масштабы беды. Территория Петродворца была освобождена лишь в конце января 1944 года, и то, что увидели там первые прибывшие туда музейщики, заставило их содрогнуться. С 22 января 1944 года группы специалистов выезжали в освобожденные пригороды. Члены комиссии по учету Н. В. Баранов и Н. Н. Белехов осматривали разрушения в Павловске, Пушкине и Петергофе. Вместе с ними были и сотрудники Ленинградского радиокомитета — журналисты и литераторы. Вера Инбер оставила в дневнике следующую запись: «...Петергофский дворец разрушен так, что никакими человеческими силами уже не воскресить его»⁹.

Первой к руинам приехала М. А. Тихомирова, старший научный сотрудник дворцов и парков, которая отвечала за сохранность вывезенных в город ценностей музеев Петродворца. Вот что она кратко изложила в докладной записке на имя начальника управления по делам искусств от 1 февраля и на имя начальника Музейного отдела от 6 февраля:

«31 января сего года был произведен беглый осмотр музейных объектов в Петергофе. Осмотрены:

Большой дворец. Представляет собою руины. Средняя часть дворца, корпус под гербом, церковь существуют. Сохранились частично стены боковых частей дворца и части фасада, выходящего на Нижний сад.

Внутреннее убранство. Сохранились фрагменты лепки стен Тронного зала (Фельтен) и фрагменты стенной росписи парадной лестницы.

⁷ Павлов А. Ю., Потемкина Е. В. Указ соч. С. 190.

⁸ Там же. С. 190–191.

⁹ Инбер В. М. За много лет. М.: Сов. писатель, 1964. С. 423.

Монплеизир – сохранилась средняя часть здания и части боковых галерей. Внутреннее убранство – частично сохранился плитчатый пол и фрагменты росписи потолка.

Екатерининский корпус Монплезира – здание сохранилось частично. Осмотр внутренних помещений произведен не был.

Марли представляет собою руины. Имеются только части стен»¹⁰.

М. А. Тихомирова предложила выставить охрану и провести немедленную инвентаризацию оставшихся ценностей и консервацию строений, а затем уже приступить к разбору руин и очистке парков. После самого краткого, но такого впечатляющего описания разрушений она указала необходимые мероприятия на ближайшее время: установить охрану у Монплезира, провести фото- и кино съемку, разминировать, провести полный и детальный осмотр всех объектов, проверить места захоронений скульптуры, произвести осмотр всех дворцовых зданий, развалин блиндажей и домов для изъятия музейных вещей.

Профессиональные и эмоциональные обзоры М. А. Тихомировой по Петергофу стали основой докладов сначала в общественных организациях, а затем на партийных и советских совещаниях, принимавших важные решения. Главный архитектор Отдела охраны памятников Ленинграда Н. Н. Белехов, отстаивавший идею полного восстановления петергофских дворцов и парков, решил привлечь к участию ленинградскую интеллигенцию. 18 февраля 1944 года в ленинградском Доме архитектора он сделал доклад «О состоянии пригородных дворцов-музеев и парков после освобождения от немецких оккупантов»¹¹. С содокладами выступили М. А. Тихомирова, которая позже в своей книге писала: «Основной доклад Белехова и наши содоклады по всем пригородам прошли в битком набитом зале, вызвали огромный интерес, горячее обсуждение. Известия о дворцах, об их состоянии печатались в газетах, передавались по радио. Вывод был сделан: все пригороды восстановимы, правда, в разной мере»¹².

В тот момент даже осмотр разрушений был смертельно опасным делом: с 1941 по 1944 год территория парков и дворцов неоднократно минировалась. В районе Петергофа передовые окопы обеих сторон сближались до 150 метров, нейтральная полоса между ними была насыщена минами. Разминирование территории и акватории от Ленинграда до Ораниенбаума было поручено инженерным частям Краснознаменного Балтфлота, которые очищали ее с апреля по июнь 1944-го. Общая пло-

¹⁰ Павлов А. Ю., Потемкина Е. В. Определение ущерба, нанесенного дворцам и паркам Петергофа... С. 191.

¹¹ Там же. С. 191–192.

¹² Тихомирова М. А. Памятники. Люди. События. Из записок музейного работника. Л.: Художник РСФСР, 1984. С. 85.

щадь разминирования была примерно 40 квадратных километров, район Петродворца и Старого Петергофа – 15 квадратных километров, и только в этой части было обнаружено порядка 50 000 мин, «не считая огромного количества снарядов, бомб и других опасных боеприпасов»¹³.

Обнаруженные мины нельзя было уничтожить на месте, их изымали и вывозили. Уже 22 июня 1944 года военные по акту сдали местным властям разминированные Петродворец и Старый Петергоф, однако, уходя, предупредили, что стопроцентной гарантии дать нельзя, так как случайно оставленные саперами мины могут обнаружиться при разборке руин, что потом подтвердилось. Тем не менее уже через три дня, 25 июня 1944 года, впервые после длительного перерыва в парк были допущены жители Ленинграда и Петродворца.

6 мая 1943 года решением Ленгорисполкома была создана Ленинградская городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, в которую вошли представители городских и партийных органов, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей, главный архитектор Ленинграда Н. В. Баранов и многие другие известные лица. И хотя переданная музеями в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) информация о нанесенном уроне была приблизительной, поскольку сотрудники не располагали проверенными фактами, Нюрнбергский трибунал признал материалы ЧГК бесспорными и принял их без дополнительных доказательств. Были созданы специальные инструкции. Ущерб от разрушения дворца определялся экспертами в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 17 июня 1943 года и Инструкцией для экспертов, одобренной ЧГК 29 декабря 1943 года. Система исчисления урона имела единые принципы для рядовых построек и старинных зданий. Основу денежной оценки составили кубатура здания или площадь застройки, процент разрушений и стоимость восстановительных работ¹⁴.

В течение 1944 и 1945 годов велись активные работы по разбору завалов, консервации руин, извлечению скульптур и захоронений. Восстанавливать или нет, если восстанавливать, то как и для чего, для музея или для дома отдыха, – эти вопросы поднимались вновь и вновь. В Москве и в Ленинграде проводится ряд совещаний. В апреле 1944 года был составлен проект объединенного решения исполкома Ленгорсовета и Ле-

¹³ Павлов А. Ю., Потемкина Е. В. Определение ущерба, нанесенного дворцам и паркам Петергофа... С. 192.

¹⁴ Там же. С. 193.

нинградского областного совета депутатов трудящихся «О сборе и охране произведений изобразительного и прикладного искусства (вещевых памятников)», в котором говорилось: «В целях восстановления музеев, разоренных фашистскими захватчиками, необходимо осуществить сбор и охрану произведений изобразительного и прикладного искусства и предметов, имеющих историческое значение»¹⁵. В Москве на специальном межведомственном совещании «О судьбе пригородных дворцов» главный архитектор КГИОП Н. Н. Белехов по-прежнему отстаивал идею восстановления музеев. Его поддержали академики И. Э. Грабарь и А. В. Щусев. Однозначного решения совещание принять не могло, но убедительные доказательства того, что нельзя медлить с работами по восстановлению, иначе потери будут невозможны, произвели впечатление на исполнительные органы власти. В результате было принято постановление, согласно которому пригородные дворцово-парковые ансамбли получили особый статус для финансирования и снабжения материалами¹⁶.

14 февраля 1946 года Ленгорисполком принял постановление «О восстановлении фонтанов и парковых сооружений в городе Петродворце». Был возрожден Большой каскад, воссоздана статуя Самсона. Разработкой проектов восстановления петергофских фонтанов и парков занималась созданная в 1945 году Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская во главе с профессором А. А. Олем. Затем она была преобразована в Специальные научно-производственные мастерские (впоследствии объединение «Реставратор»)¹⁷.

Но даже архитекторы-реставраторы и специалисты-проектировщики не представляли, как из груды развалин воссоздать дворцы с интерьерами и экспозициями, и предлагали восстановление Большого дворца в качестве дома отдыха. Н. Н. Белехов несколько раз отклонял их предложения, ожидая правительственного указа¹⁸. Только в 1948 году Совет министров СССР принял постановление «О восстановлении здания Большого дворца в г. Петродворце», «согласно которому подлежали реставрации фасады дворца с односторонними завершениями церкви и корпуса под гербом (по первоначальному проекту Ф. Б. Растрелли) и пять исторических интерьеров – Парадная лестница, Танцевальный зал, Белая столовая, Тронный и Чесменский залы»¹⁹. Это была победа, означавшая начало невероятно сложной работы.

¹⁵ Третьяков Н. С. [Предисловие].

¹⁶ Павлов А. Ю., Потемкина Е. В. Определение ущерба, нанесенного дворцам и паркам Петергофа... С. 193–194.

¹⁷ Кормильцева О. М., Леонтьев А. Г., Петрова М. А. «Успеть поработать для вечности...»: Н. Н. Белехов, А. Н. Петров, Е. Н. Петрова. Жизнь и творчество. СПб.: Профили, 2009. С. 23.

¹⁸ Подробнее см.: Леонтьев А. Г. Страницы послевоенного восстановления Петергофа // История Петербурга. 2010. № 1 (53). С. 12.

¹⁹ Там же. С. 11–12.

Павловск (Слуцк) был освобожден Советской армией 24 января 1944 года. Павловский дворец страшно пострадал от пожара в январе 1944 года. «Я не дождалась попутной машины и пошла пешком (машины все нужны фронту, а не директорам „разбитого вдребезги“), – писала А. И. Зеленова в феврале 1944 года. – Прекрасен, но страшен Павловск со своими руинами. К числу этих руин принадлежит и Павловский Дворец-музей, горевший в течение 10 дней. Нет купола, венчавшего дворец, нет и башен с часами, нет библиотеки Росси, сгоревшей бесследно вместе со стенами, нет правого флигеля, где Тронный зал, нет трельяжных галерей над колоннадами, нет картиной галереи, нет церкви... Остались только фасадные стены, чудом сохранившие наружную и внутреннюю лепку... Все уцелевшее сохранилось только в „фрагментах“. Помпея не выглядела горестней... В грудах завалов стоят античные статуи, извлеченные из земли. На фресках Скотти готическим шрифтом начертана „арийская“ похабщина... Каждый день ходила я ко дворцу, как на могилу к горячо любимому»²⁰.

18 февраля 1944 года сектор охраны памятников искусства при Управлении по делам искусств исполкома Ленгорсовета провел заседание с повесткой «О состоянии дворцов и парков Ленинграда в результате варварского их разрушения фашистами».

Главный архитектор Отдела охраны памятников Ленинграда Н. Н. Белехов в своем докладе отметил: «...если Павловский парк пострадал сильнее всего, то Павловский дворец сохранился лучше других... и имеется полная возможность его реставрации, поскольку многие помещения сохранили внутреннюю отделку»²¹.

«Разве мы можем допустить, чтобы вместо Павловского дворца, который мы хорошо знали и любили до войны, любили из-за его красоты, навечно теперь остались эти руины как памятник арийского крестинизма, гитлеризма и фашистского мракобесия? Нет! Я убеждена, что вы солидарны со мной, что мы должны уготовить ему другую судьбу. Это зависит от нас с вами. Мы же гоним гитлеровцев с нашей земли, драпают так, что вы едва успеваете свои аэродромы переносить. <...> И мы не имеем права опускать Павловск в небытие...»²² – писала директор Павловского дворца-музея А. И. Зеленова летчикам, охранявшим Ленинград, в 1944 году.

А. И. Зеленова сообщала в апреле 1945 года: «Сразу же после освобождения Павловска начались работы с целью предохранения уцелевшей

²⁰ Зеленова А. И. Статьи. Воспоминания. Письма. С. 143.

²¹ Третьяков Н. С. [Предисловие].

²² «Мы... должны считать себя мобилизованными для борьбы и победы...» Из дневников хранителей пригородных дворцов-музеев Ленинграда. 1941–1945 гг. // Отечественные архивы: электрон. науч.-практич. журн. 2007. № 1. URL: <http://portal.rusarchives.ru/publication/mobil.shtml> (дата обращения: 01.08.2021).

части дворца от дальнейшего разрушения. В скульптурных мастерских начались сборка и реставрация поврежденных лепных украшений.

В Павловске и его окрестностях собрано много растащенных фашистами музейных ценностей. Часть из них обнаружена в блиндажах и землянках, в домах, где квартировали немцы. <...>

Предстоящим летом в Павловске будет восстановлена кровля над музейными залами, заделаны пробоины в стенах, закончатся работы по сохранению лепки.

Научные сотрудники дворца разбирают исторические архивы, чертежи, собирают иллюстративный материал, необходимый для восстановления дворца»²³.

В 1944–1945 годах в Павловске были начаты первоочередные работы по консервации сохранившихся фрагментов художественной отделки, расчистке завалов, поиску и сбору музейных предметов. На территории Павловского парка, города Павловска и его окрестностей было собрано около 30 предметов мебели, два больших портрета: Петра I работы Таннауэра и Павла I кисти Боровиковского, мраморная скульптура и вазы. Из захоронений в подвалах дворца была извлечена античная скульптура, которая сохранилась практически без повреждений²⁴.

С 1944 по 1949 год, на основании распоряжений Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР, А. М. Кучумов (тогда директор Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов) несколько раз выезжал в Прибалтику, Кёнигсберг, Берлин для поиска утраченных музейных ценностей. В результате этих поездок многое удалось найти. Так, из Риги была возвращена негодная Павловского дворца-музея, около 2 500 негативов. Иногда находили лишь фрагменты мебели и сохранившиеся элементы произведений декоративно-прикладного искусства: все они были использованы как составные части заново воссоздаваемых предметов.

Зима 1944 года — время одновременно радостное и трагическое для территории Приленинградья: день за днем освобождались районы Ленинградской области, дворцовые пригороды. И взору освободителей предстала невиданная доселе гуманитарная катастрофа, способная повергнуть в отчаяние самых закаленных. Четыре дня спустя после Петергофа, 26 января 1944 года, была очищена от нацистов Гатчина. На следующий день в «Правде» появилась статья, где описывались злодеяния немецко-фашистских оккупантов на гатчинской земле: «Гитлеровцы надругались и над прекрасным Гатчинским парком. Как хорош был этот парк в сол-

²³ Восстановление дворца в Павловске // Красный флот. 19 апр. 1945. № 92 (1967). URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6149212/pages/1> (дата обращения: 01.08.2021).

²⁴ Третьяков Н. С. [Предисловие].

нечный летний день: густые заросли плакучих ив, вековые дубы, лазурной чистоты пруды и озера, маленькие острова, поросшие высокой травой... Немецкие варвары вырубили деревья парка, обтесали их на бревна для дзотов и конюшен.

<...>

...Гатчина вырвана из рук злодеев. Город имеет страшный вид — целые улицы в развалинах, дома горят. Но люди верят, что их город возродится, что он снова станет прекрасным и благоустроенным»²⁵.

Вот как описали свои впечатления от первого дня, проведенного в освобожденном городе, капитан К. Сухин и старший лейтенант А. Викторов: «Вот они, старинные Гатчинские ворота, ведущие в только что освобожденный город. Обгоревшие и выщербленные осколками снарядов и мин, они носят следы недавних горячих боев.

<...>

<...> Все разорено, разграблено.

<...> Красивые старинные мосты, перекинутые через протоки, соединяющие озера, взорваны немцами минувшей ночью. <...> Сквозь вековые деревья парка видны строгие очертания знаменитого Гатчинского дворца. Его серые стены почернели от пламени. Сизый дым тянется из окон. Коегде еще полыхает огонь. Фашистские вандалы взорвали и подожгли это прекрасное произведение искусства конца XVIII века.

В парке вырублены вековые дубы, разрушены павильоны...»²⁶

«Сразу же после изгнания фашистов... приступили к восстановлению города. Наряду с первоочередными работами по восстановлению и налаживанию городского хозяйства начались и неотложные работы в гатчинских парках. Были разминированы, расчищены дорожки, засыпаны воронки, высажены новые деревья»²⁷. Группа ленинградских музейщиков сразу же после освобождения прибыла в Гатчину. «Нам показалось, что дворец уцелел... С трудом пробираемся по заледенелой, взбугренной земле и видим, что уцелели только стены... Пожар и бомбежка обрушили почти все перекрытия. Поднимаемся по ступеням одной из лестниц и, глядя с верхней площадки вниз, замечаем надпись на косяке дверного проема: „Когда Иван придет — все будет опустошено!“ Обещание выполнено с немецкой аккуратностью и фашистским размахом... уцелевшие на стенах мраморные барельефы и лепной декор своей изысканной нарядностью подчеркивают вандализм разрушений... как цветы над еще не закрытой

²⁵ Руднев Д., Сиволобов М. В Гатчине // Правда. 28 янв. 1944. № 24 (9481). URL: http://opac.nekrasovka.ru/books/NEWSPAPERS/PRAVDA/1944/PRAVDA_1944_24.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

²⁶ Сухин К., Викторов А. Первый день в освобожденном городе // Смена. 27 янв. 1944. № 19 (5532). URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_010713562?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 01.08.2021).

²⁷ Пирютко Ю. М. Гатчина. Художественные памятники города и окрестностей. Л.: Лениздат, 1974. С. 30.

могилой»²⁸, – такие пронзительные впечатления сохранила А. И. Зеленова, бывшая членом этой первой музейной группы. Уже 9 февраля 1944 года главный хранитель Гатчинского музея С. Н. Балаева подсчитала ущерб для представления в Совет народных комиссаров. Гатчина была разрушена на 60 процентов, сумма ущерба составила 1,2 миллиарда рублей²⁹.

10 апреля 1944 года специальная комиссия составила акт о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Гатчине, и о нанесенном ущербе гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Во втором разделе говорилось: «Мраморные скульптуры разбиты, чугунная ограда парка снята, снят и увезен художественный паркет, а сам дворец немцами при отступлении сожжен. Памятники старинной архитектуры – дома, расположенные в парке, разобраны на дрова и сожжены; крутые красивые мостики в парке взорваны, тысячи деревьев в этом и в других парках города вырублены на дрова»³⁰.

Вскоре после освобождения Гатчины началось постепенное возвращение музейных экспонатов. Чаще всего это были отдельные предметы, но иногда удавалось разыскать и вернуть крупные комплексы. Одной из самых важных и известных находок стали 465 картин из коллекции Гатчинского дворца, обнаруженные в Рижском замке в марте 1945 года. Обнаруживались артефакты и в самой Гатчине, и в ее окрестностях. В июне 1944 года из Пудости были привезены 107 предметов мебели. Некоторые музейные ценности были переданы воинскими частями. 20 июля 1944 года Гатчинский городской совет принял специальное постановление о вознаграждении лиц, указавших местонахождение музейных экспонатов³¹. Всего в первые годы после освобождения было обнаружено около 4 000 предметов из коллекции Гатчинского дворца-музея³².

Увы, в 1950 году реставрация Гатчинского дворца была отложена на неопределенный срок, предметы его исторического собрания передавались в другие музеи – главным образом, в Павловск.

Ситуация в освобожденном Пушкине тоже была трагической. Уже через несколько часов после освобождения города сюда приехала группа работников культуры, в составе которой была и О. Ф. Берггольц. Вот что они увидели: «...Во дворце, куда мы входили с таким благоговением и ра-

²⁸ Зеленова А. И. Статьи. Воспоминания. Письма. С. 253.

²⁹ Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. Дневник. Статьи. СПб.: Искусство России, 2005. С. 145.

³⁰ Кирпичникова М. В. Гатчинский дворец. Трагедия 1940-х годов и трудный путь к возрождению // Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца. Сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф» 27–28.04.2015 (Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. VI). СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2016. С. 141.

³¹ Там же.

³² Там же.

достью, в комнатах нижнего этажа были устроены отхожие места для солдат и стойла для лошадей — мы видели в конюшнях свежее сено и конский навоз; лошадей угнали отсюда только вчера. Враг уходил из Пушкина, отчаянно спеша, и все же успел разбить прикладами зеркала, растоптать старинные статуэтки, изрубить все, что еще было целого»³³.

Во время первой поездки в Пушкин научных сотрудников пригородных дворцов, когда все замолчали, подавленные увиденным, в гнетущей тишине раздался почти ликующий вскрик одной из сотрудниц: «Слава богу, Руина цела!» По иронии, башня оказалась самой целой руиной в Пушкине.

31 января 1944 года, четыре дня спустя после полного снятия блокады Ленинграда, Пушкин посетила группа музейщиков, в составе которой была и А. И. Зеленова: «В уцелевших залах тесно наставлены кровати вшивых арийцев, а трубы от буржеек, их обогревавших, эти культургерры предпочитали выводить сквозь зеркала в стенах прямо на фасадную часть»³⁴. В феврале, во время следующей поездки, она отметила: «Я увидела Пушкин, где от Екатерининского дворца-музея остались только фасадные стены да чудом уцелевшая Камеронова галерея с Агатовыми комнатами (все взорвано и погребено от пожара)»³⁵.

Немецкие оккупанты уничтожили большую часть дворца, но к тотальной гибели Зубовского флигеля немцы не имели отношения. Пожар, уничтоживший этот архитектурный памятник, начался 1 февраля 1944 года, через неделю после освобождения города советскими войсками. Вероятнее всего, он произошел вследствие неосторожного использования открытого огня в помещениях. После пожара, уничтожившего кровлю и помещения второго этажа Зубовского флигеля, фрагменты дворцового архитектурно-декоративного убранства сохранились только в Первой Антикамере и Арабесковом зале³⁶.

Частично уцелели лишь 10 из 55 залов Екатерининского дворца, но и они представляли собой страшное зрелище: изуродованные полы и потолки, редкие сохранившиеся фрагменты художественного декора. Крыша сохранилась только над Церковью и Церковным флигелем, Китайской и Голубой гостиными, Опочивальней и Зеленой столовой. Церковный флигель и Дворцовая церковь сохранились в большей мере, чем остальные части дворца. Нижний этаж был превращен в гигантский гараж и конюшню, Дворцовая церковь — в стоянку и мастерскую для велосипедов и мотоциклов³⁷.

³³ Берггольц О. Ф. Мы пришли в Пушкин. Л., 1944. С. 28.

³⁴ Зеленова А. И. Статьи. Воспоминания. Письма. С. 142.

³⁵ Там же.

³⁶ Епарина Е. С. Царскосельские дворцы в годы войны 1941–1944 // Дворцы и события: К 300-летию Большого Петергофского дворца... С. 134.

³⁷ Там же. С. 135.

В комнатах Камерона были вырезаны все живописные вставки плафонов, камин из Китайской голубой гостиной был увезен в Антропшино, остальные разрушены. В Официантской уничтожены все пилястры, кроме двух. Оконные переплеты отсутствовали практически во всех залах. При пожарах 1942 и 1944 годов погибли кровля и чердачные перекрытия над всеми помещениями возле Большого зала³⁸.

Разрушений не избежал и Александровский дворец. А. М. Кучумов писал в своих воспоминаниях: «Церкви нет. Комната подорвана из подвала, рухнули колонны, потолок и колонны подвала»³⁹. Фашисты разбили зеркала во всех залах, сняли со стен панели, похитили паркет и оставшиеся предметы, которыми украшали и утепляли свои землянки у дворца. «С целью защиты от просыпания песка на бревенчатые накаты землянок они использовали рулоны декоративного шелка, оставшегося в подвалах дворца. Все землянки представляли собой срубы 2–3 домов, глубоко зарытых в землю. На бункеры, блиндажи и дрова пошло более 20 тыс. деревьев»⁴⁰.

Д. А. Гранин, побывав в Пушкине, записал: «От былого великолепия не осталось ничего. Все было разрушено, разграблено, вывезено, сожжено, все выглядело непоправимо»⁴¹.

С марта 1944 года рассматривались различные варианты проектов использования разрушенных пригородных дворцов. Их судьба обсуждалась на посвященной реставрации этих памятников научно-технической конференции, проходившей 21 и 22 марта 1944 года. Несмотря на сложности, коллективу дворцов-музеев г. Пушкина вопрос об их будущем мыслился ясно и однозначно. Почти сразу после первой поездки к разрушенным дворцам в январе 1944 года исполняющим обязанности директора дворцов-музеев была назначена Е. А. Турова, вместе с которой начала работу по сбору утраченных вещей Е. В. Абрамович, вернулся с фронта и сразу же принялся за аналогичную работу А. И. Черно. Деятельность сотрудников, принятых на появившиеся в штате в 1944 году новые должности, — инвентаризатора-хранителя Л. В. Еминой, рабочей по сбору ценностей Е. С. Gladковой, чертежницы Н. Д. Алексеевой — была полностью подчинена сохранению того, что осталось от дворцов и павильонов и розыску того, что могло быть найдено на территории дворцов и парков.

Из свалок строительного мусора выбирались все фрагменты архитектурных элементов (каминов, дверей, резьбы, бронзовой фурнитуры),

³⁸ *Епаринаева Е. С.* Царскосельские дворцы в годы войны 1941–1944 // Дворцы и события: К 300-летию Большого Петергофского дворца... С. 135.

³⁹ *Кучумов А. М.* Статьи. Воспоминания. Письма. СПб.: Арт-Палас, 2004. С. 117.

⁴⁰ *Короткевич В.* Освобождение г. Пушкина // Память о войне нетленна. СПб.: Пушкинский муниципальный совет, 2005. С. 85.

⁴¹ *Гранин Д. А.* Мой лейтенант. М.: Олма Медиа Групп, 2011. С. 145.

снимались кальки и прориси, велась фотофиксация. Одновременно те же сотрудники подсчитывали размер ущерба, нанесенного захватчиками. Параллельно они же вели научно-исследовательскую работу по сбору материалов к проектам воссоздания убранства сохранившихся залов Екатерининского дворца (ответственная Г. Д. Нетунахина) и полного восстановления Александровского дворца как историко-художественного музея (ответственные Е. А. Милославова, Е. Л. Милованович, А. М. Кучумова). Составлялись развернутые планы довоенного убранства двух царскосельских дворцов с отметками об утратах предметов; оказывалась помощь в восстановлении Ленинграда и пригородных музеев. Сотрудники Кабинета графики (Н. Д. Соколова, А. И. Черно) подбирали иконографические материалы для других проектов, занимались поиском и новым комплектованием книжного фонда. Только в 1947 году было обработано 70 тысяч книг и 8 тысяч музейных предметов, возвращенных из-за границы. К октябрю 1951 года в Научно-вспомогательный кабинет Екатерининского дворца было сдано 76 исторических справок и 12 тематических картотек на 2 806 карточек с архивными выписками⁴².

В романе «Мой лейтенант» Даниил Гранин писал: «Вышло еще в конце войны постановление Совнаркома СССР о восстановлении Петродворца, Пушкина и Павловска. Оно было встречено с радостью и недоумением. Откровенно говоря, мы считали это скорее политическим актом, чем реальным делом. Не до того ведь было. Но люди в ватниках, синих халатах продолжали рыться, работать среди развалин. Потом начались субботники, куда выезжали ленинградцы, помогая расчищать парки. <...> Так... начиналась великая, воистину беспримерная эпопея Восстановления.

<...>

Восстановление пригородов было подвигом не только реставраторов, но и всех ленинградцев. После мучений блокады, войны они шли на то, чтобы в ущерб стройке жилых домов возрождать эти дворцовые сооружения, вместо насущного возвращать Красоту»⁴³.

⁴² Плауде В. Ф. «Сохранить национальное достояние...» URL: <https://tzar.ru/en/node/504> (дата обращения: 02.08.2021).

⁴³ Гранин Д. А. Мой лейтенант. М.: Олма Медиа Групп, 2011. С. 216.

ЭВАКУАЦИЯ И ХРАНЕНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

DOI: 10.48466/1913.2021.74.22.037

М. В. Кирличникова,
ученый секретарь ГМЗ «Гатчина»,
кандидат исторических наук

События конца 2019 – начала 2020 года в очередной раз напомнили о том, как в одночасье может измениться мир. Еще летом 2019-го никто не предполагал, что привычный ход жизни нарушится: будут закрыты музеи, театры, парки, рестораны, кафе, и то, что казалось обыденным, станет роскошью. Сейчас, когда ограничения затронули всех без исключения, стали гораздо ближе по восприятию далекие события лета 1941-го.

Эвакуация и хранение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны – одна из самых трагических и вместе с тем героических страниц в истории пригородных дворцов-музеев Ленинграда. Целью данной статьи является проведение историографического и источниковедческого обзора материалов, посвященных эвакуации реликвий Гатчинского дворца, а также сохранение памяти о людях, принимавших участие в спасении музейных экспонатов и самого здания музея в годы Великой Отечественной войны.

Документальная информация об эвакуации Гатчинского дворца содержится в отчетах и приказах Отдела музеев парков и памятников Управления культурно-просветительными предприятиями Ленгорсовета (далее УКППЛ)¹, Объединенного хозяйства музеев (ОХМ) – хранилища музейных ценностей, созданного 15 июля 1941 года и расположенного в Исаакиевском соборе², Музея-хранилища ленинградских дворцов-музеев в горо-

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–11. Отчет о консервации музейных зданий, парков и экспонатов и по вывозу музейных ценностей и живых экспонатов из дворцов-музеев, музеев и зоосада системы УКППЛ Ленгорсовета от 25.10.1941, с приложениями; Там же. Ф. 276. Оп. 1. Д. 58. Документы по эвакуации, консервации музейных ценностей из дворцов и парков Ленинграда и его пригородов (отчеты, списки, акты); ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 597. Л. 18–21. Переписка музеев, выставок, парков культуры о культурно-просветительной работе. 1942 г.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 329. Оп. 1. Д. 4. Акты о повреждениях в здании Исаакиевского собора, нанесенных зданию в связи с военными действиями; Там же. Д. 1. Приказы по Объединенному хозяйству музеев. 1941–1945 гг.; ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 79. Отчет о работе Объединенного хозяйства музеев за 1944 г.

де Сарапуре, образованного в сентябре 1941 года³; документах научного архива ГМЗ «Гатчина»⁴. Сведения о материальных затратах музея на эвакуацию можно почерпнуть также в документах Государственного архива Российской Федерации⁵. Кроме того, большое количество материалов находится в научном архиве ГМЗ «Павловск», рукописном и историческом архиве ГМЗ «Царское Село»⁶ и в фондах Объединенного межведомственного архива культуры (ОМАК)⁷.

Основным источником сведений из документов личного происхождения об этом периоде жизни музея является опубликованный дневник Серафимы Николаевны Балаевой⁸, в разные годы помощника хранителя, научного сотрудника, исполняющей обязанности директора, главного хранителя, заведующей художественным сектором. Фрагментарно эта «гатчинская» страница военной истории затронута в дневниках и мемуарах других хранителей культурных ценностей: сотрудницы Петродворца М. А. Тихомировой⁹, директора Павловского дворца-музея А. И. Зеленовой¹⁰, бывшего сотрудника Гатчинского дворца В. М. Глинки¹¹, главного хранителя Павловского дворца А. М. Кучумова¹², научного сотрудника из Пушкина, а в годы войны работника Музея-хранилища ленинградских дворцов-музеев в Сарапуре В. В. Лемус¹³, в переписке консультанта пригородных дворцов-музеев профессора В. Я. Курбатова и директора хранилища в Сарапуре

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 68. Отчет музея-хранилища Ленинградских дворцов о пребывании в эвакуации в г. Сарапуре за 1942 г.

⁴ Научный архив ГМЗ «Гатчина» (НА ГМЗ «Гатчина»). Д. 1361. Материалы по эвакуации дворцовых ценностей в г. Сарапур. 1941 г.; Там же. Д. 1362. Списки музейных предметов, подлежащих эвакуации. 1940 г.; Там же. Д. 1363. Списки музейных предметов, подлежащих эвакуации. 1940 г.; Там же. Д. 3325. Балаева С. Н. Документы по эвакуации музейных ценностей из Гатчинского дворца. 1941(?).

⁵ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 30. Д. 1578, 1614. Материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 1944 г.

⁶ Рукописный и исторический архив ГМЗ «Царское Село». Д. 1316.

⁷ ОМАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 41–45.

⁸ Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. Дневник. Статьи. СПб.: Иск-во России, 2005. С. 84; НА ГМЗ «Гатчина». Д. 1610. Трудовой список С. Н. Балаевой. Л. 11. В 1933 г. она была назначена на эту должность.

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 510. Оп. 1. Д. 38. Л. 14; Тихомирова М. А. Памятники. Люди. События. Л.: Художник РСФСР, 1984.

¹⁰ Сняряды рвутся в Павловске: Из воспоминаний директора дворца-музея Анны Ивановны Зеленовой // Подвиг века: Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Л.: Лениздат, 1969; Зеленова А. И. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб.: Арт-Палас, 2006.

¹¹ Глинка В. М. Гатчина // Ленинград. 1944. № 5. С. 11.

¹² Кучумов А. М. Статьи. Воспоминания. Письма. СПб.: Арт-Палас, 2004.

¹³ Рукописный и исторический архив ГМЗ «Царское Село». Д. 1316. С. 32–35, 37–38, 47. Машинопись. Подлинник; Лемус В. В. Эвакуация музейных ценностей из г. Пушкина (1941–1945). Историческая справка // Хранители. Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб.: ГМЗ «Царское Село», 2005. С. 375–394.

М. А. Легздайна¹⁴, мемуарах и интервью очевидцев событий, детей сотрудников Гатчинского дворца-музея К. А. Кузьмина, И. Н. Борисовой, Н. А. Нарышкиной и других.

Из исследователей, занимавшихся историей Гатчинского дворца-музея, об эвакуации в годы войны писали Н. С. Третьяков¹⁵, В. А. Семенов¹⁶, Т. Д. Козлова¹⁷, Ю. З. Кантор¹⁸, М. В. Кирпичникова¹⁹ и другие²⁰.

Среди общих исторических материалов об эвакуации населения, предприятий и культурных ценностей из Ленинграда в годы Великой Отечественной войны стоит отметить труды О. Б. Мозохина, Я. Е. Чаадаева²¹, А. М. Мазурицкого²², Л. В. Максаковой²³, Н. В. Фатигаровой²⁴, М. Н. По-

¹⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 858. Оп. 2. Д. 110; Профессия — музей. Военные письма В. Я. Курбатова. 1942–1944. СПб.: ГМИ СПб, 2016.

¹⁵ Третьяков Н. С. Эвакуация художественных ценностей пригородных дворцов-музеев Ленинграда в 1941 году // Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. СПб.: ЛенАрт, 1994; Он же. Пригородные дворцы-музеи Ленинграда. Война и победа. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2008; Он же. Гатчинский дворец. Годы испытаний // Цитадель под Ленинградом. Гатчина в годы Великой Отечественной войны / Сост. И. Г. Любецкий. Л.: Лениздат, 1992; и др.

¹⁶ На ГМЗ «Гатчина». Д. 2380; Семенов В. А. Гатчинский дворец в предвоенные и военные годы. 2008.

¹⁷ Козлова Т. Д. Опыт эвакуации Гатчинского дворца; первые правительственные документы // Спасение историко-художественных ценностей ленинградских музеев в годы Великой Отечественной войны. СПб.; Гатчина, 1985. С. 14–17.

¹⁸ Кантор Ю. З. Невидимый фронт. Музеи России в 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017.

¹⁹ Кирпичникова М. В. Кузьмины в летописи Гатчинского дворца // Кучумовские чтения: Сборник докладов научной конференции. Атрибуция, история и судьба предметов из музейных коллекций. СПб.: Павловск, 2020. С. 155–167; Она же. Сотрудники Гатчинского дворца-музея, спасавшие ценности в годы войны. URL: <https://gatchinka.ru/culture/sotrudniki-gatchinskogo-dvortsas-pasavshies-tsennosti-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (дата обращения: 08.10.2021); Она же. Эвакуация музейных ценностей из пригородных дворцов Ленинграда и проблемы обеспечения их сохранности (на примере Гатчинского дворца-музея) // Восьмые Волконские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. 11–13 ноября 2020 г.; Она же. Эвакуация и реэвакуация коллекций из Гатчинского дворца-музея в Сарапул // Сарапул. Особый груз: Об эвакуации музейных ценностей в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Сарапул; Ижевск: Сарапульский музей-заповедник, УдмФИЦ УрО РАН, 2020. С. 180–185.

²⁰ См.: Уваров С. Н. Эвакуация из Ленинграда в Удмуртскую АССР // Побратимы / Отв. ред. Ю. З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 462.

²¹ Мозохин О. Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. М., 2018. С. 20–37; Чаадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1985.

²² Мазурицкий А. М. Спасение и сохранение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (66). С. 194–198.

²³ Максакова Л. В. Как были спасены культурные ценности // Ешелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966.

²⁴ Фатигарова Н. В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музеи и власть: государственная политика в области музейного дела. XVIII–XX вв.: Сборник научных трудов. М.: НИИ культуры, 1991.

темкиной²⁵, Г. А. Куманёва²⁶, М. Я. Пашенко²⁷, М. П. Симкина²⁸, А. С. Трапезниковой²⁹, П. В. Петрова³⁰, «Музейный фронт Великой Отечественной, 1941–1945» (отв. ред. Л. А. Королёва. М.: Гелиос АРВ, 2014); монографию «Побратимы»³¹, где собран колоссальный материал коллектива авторов; пятитомное издание «Ленинград. Война. Блокада»³². Обширные общие сведения об эвакуации и реэвакуации пригородных дворцов-музеев сосредоточены в документах фонда 277 (Ленинградский городской отдел культурно-просветительной работы исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся. Ленинград. 1943–1953) ЦГАЛИ СПб³³, инструкции по учету, упаковке и перевозке музейных ценностей при их реэвакуации от 18.05.1944 года³⁴; в двухтомном издании ГМЗ «Петергоф» «Петергоф в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»³⁵, в сборниках «Сарапул. Особый груз»³⁶, «Помнить, нельзя забыть. Дворцы и парки города Пушкина. 1941–1946 гг.»³⁷, «In Memoriam. Павловск»³⁸ и других.

«Эвакуация – вывоз (вывод) раненых и больных, населения, поврежденного вооружения и военной техники, военного и др. имущества, хозяйственного оборудования и ценностей из районов боевых действий»³⁹. К сожалению, среди современников бытует мнение, что эвакуация во многих музеях была проведена неправильно, эвакуировано не самое ценное, неграмотно составлены списки и так далее. Хотелось бы заметить, что,

²⁵ *Потемкина М. Н.* «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны: монография. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016.

²⁶ *Куманёв Г. А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2007. № 6.

²⁷ *Пашенко М. Я.* К освещению вопроса о времени создания Совета по эвакуации и его руководстве в научной и учебной литературе // Берегinya. 777. Сова. 2012. № 3 (14). С. 49–54.

²⁸ *Симкин М. П.* Советские музеи в период Великой Отечественной войны // Труды научно-исследовательского института музееведения. Вып. 2. М., 1961.

²⁹ *Трапезникова А. С.* Эвакуация музейной коллекции Петергофских дворцов-музеев в годы Великой Отечественной войны. URL: http://www.cultura.adm-sarapul.ru/city/kultura/uchrezhdeniya_kulturny/evakuatsiya-petergof.php (дата обращения: 08.10.2021).

³⁰ Петергоф – Сарапул: история эвакуации музейных ценностей в 1941–1945 годах // Сарапул. Особый груз... С. 55–107 и др.

³¹ Побратимы / Отв. ред. Ю. З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019.

³² Ленинград. Война. Блокада: В 5 т. / Сост. П. В. Игнатьев, Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов. СПб.: Галарт, 2018–2019.

³³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3. Решения и распоряжения исполкома Ленгорсовета по вопросам, относящимся к разделу «Культурно-просветительная работа».

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–20. Приказы по Центральному хранилищу. 1945 г.

³⁵ Петергоф в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2019.

³⁶ Сарапул. Особый груз...

³⁷ Помнить, нельзя забыть! Дворцы и парки города Пушкина. 1941–1946: Сборник материалов / Сост. В. Ф. Плауде, И. П. Распопова. СПб.: Русская коллекция, 2020.

³⁸ In Memoriam. Павловск. Собрание дворца-музея: потери и утраты [По материалам выставки, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне «In Memoriam»] / Авт.-сост. Р. Р. Гафифуллин; авт. ст. А. Н. Гузанов и др. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2015.

³⁹ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 2007. С. 807.

оставаясь в зданиях своих музеев в условиях приближавшегося фронта и осознавая, что вскоре могут оказаться на оккупированной территории, сотрудники, тем не менее, продолжали вести свою тяжелую работу по укрытию ценностей и консервации зданий. Трудно противопоставить их мысли и действия спокойным рассуждениям ныне живущих людей.

Учитывая шоковую ситуацию июня-июля 1941 года, многие горожане да и представители властей не верили, что враг так быстро дойдет до Ленинграда и уж тем более возникнет угроза взятия Москвы. Совет по эвакуации был создан лишь на третий день войны Постановлением Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома СССР № 1740-7488, а Постановление Военного совета Северного фронта об организации эвакуации населения и материальных ценностей вышло только 28 июня 1941 года⁴⁰. Но многие музеи начали работу по упаковке экспонатов, не дожидаясь приказа вышше.

По плану «разгрузки» музейных ценностей 1936 года в случае войны для эвакуации ценностей пригородным дворцам-музеям выделялось всего восемь вагонов, половина из них – Гатчинскому. Предполагалось вывезти всего лишь 4871 экспонат (только в Гатчине на основном музейном учете состояло 54030⁴¹). По итогам генеральной инвентаризации 1938–1939 годов были также составлены списки наиболее ценных экспонатов, предполагавшихся к вывозу в случае военных действий. Также были определены эвакуацонные базы в тылу: Новосибирск, Горький и Сарапул. Музейные сотрудники были возмущены такими цифрами и долгое время боролись за их пересмотр, но к началу войны ничего не изменилось.

Большая часть мужчин, работавших в музее, была демобилизована в первые месяцы войны. 23 июня 1941 года в армию был призван заместитель по научной работе Г. В. Смирнов, а 25 июня – директор Г. Д. Миронец. Вместо него исполняющим обязанности директора был назначен главный бухгалтер Г. В. Дьяконов, но фактически за эвакуацию, консервацию и упаковку отвечала заведующая художественным сектором С. Н. Балаева.

Упаковка началась с ценнейшей коллекции оружия и особой кладовой, далее были «разобраны Парадные комнаты Павла I, III этаж (выстав-

⁴⁰ Постановление Военного совета Северного фронта об организации эвакуации населения и материальных ценностей. 28 июня 1941 г. // 900 героических дней: Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л.: Наука, 1966. С. 39–40.

⁴¹ Это официальная цифра, которая была принята в ГДМ в результате проведенной Генеральной инвентаризации (НА ГМЗ «Гатчина»). Справка из Министерства культуры РСФСР о составе фондов Гатчинского дворца-музея на 1939 и 1944 годы. Д. без номера). В связи с трудностями, возникшими в результате подсчетов, есть разночтения о количестве единиц хранения. Например, в одном случае чашка с блюдцем регистрировались под одним номером, в другом имели два разных номера. Так, в таблице количественных показателей вывезенных и законсервированных музейных ценностей (ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Л. 10) указаны данные по довоенной инвентаризации: 38 189 экспонатов, 44 340 томов книг, 10 000 единиц хранения фототеки – и суммарная цифра приводится 92 529.

ка), приемные комнаты Александра III, начаты работы по разборке комнат Николая I, Китайской галереи (фарфор, лаки и пр.) перенесены в кладовую за Китайской»⁴².

По признанию самой С. Н. Балаевой, «главной опасностью считалось возникновение пожара во дворце в связи с военными действиями»⁴³. Поэтому основной задачей было освободить музейные помещения от мебельного убранства, снять все ковры, занавеси, портьеры и шторы. Знаменитые гатчинские паркеты закрыли плотным сукном или ковриками и засыпали толстым слоем песка, мраморные рельефы зашили деревянными футлярами, окна заклеили тканью. На чердаке были помещены баки с водой, а также приготовлены запасы песка. Первая воздушная тревога была объявлена 12 августа в 6 часов 40 минут утра. А 15 августа на плац упала бомба весом в одну тонну. Как писала С. Н. Балаева, были «выбиты стекла в окнах Предовальной (разрушена печь, поврежден потолок), Арсенала (особенно пострадал потолок), церковь – алтарь и потолочное окно. Переход из Чесм[енской] на площадку Лестницы, Площадка лестницы, Греческой (не все); повреждена стена в Ов[альной] комнате и Чесменской (смежная с Овальной). Целы остались стекла окон, закрытых щитами, также как и заложенные кирпичом. Бульжником продавлена крыша. Камни переброшены на парковую сторону. На крыше полуциркуля разрушена печная труба. Убитых и раненых не было. Все вещи целы»⁴⁴.

Часть реликвий Гатчинского дворца была вывезена четырьмя эшелонами в город Сарапул (Удмуртскую республику). Вместо запланированных к вывозу в этот город 3 671 экспоната из всех пригородных дворцов-музеев было эвакуировано 90 186 экспонатов⁴⁵. Из Гатчинского дворца вывезли 9 428 предметов искусства в 291 ящике⁴⁶.

Начальником первого эшелона была научный сотрудник Е. В. Троянская, отправлена была почти вся коллекция оружия (1 000 вместо предполагаемых 700), 300 миниатюр, целиком выставка костюма, весь архитектурный архив⁴⁷.

Вторым эшелонам руководил художник П. П. Кириллов, вывезены были живопись, мебель, фарфор, акварели; начальник третьего эшелона не был указан, вероятно, это были Дьяконова, Хижняк или Карасёв. Последним, четвертым, которым, согласно документам Балаевой, руководил

⁴² Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. Дневник. Статьи. С. 84.

⁴³ Там же. С. 582.

⁴⁴ Там же. С. 88.

⁴⁵ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 110. Л. 2.

⁴⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 276. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

⁴⁷ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 109. Л. 11–11 об.

завхоз Н. Б. Борисов, перевозили в основном бронзу и мебель⁴⁸. В качестве сопровождающих были также сотрудник пожарной охраны П. Н. Ободов, старший бухгалтер А. В. Кузьмин и П. А. Клепчуков с семьями. Однако этим же эшеленом следовал и исполнявший на тот момент обязанности директора Г. В. Дьяконов. Это подтверждается документами и устным интервью с сыном А. В. Кузьмина, который вместе с отцом сопровождал поезд с ценностями. Вероятно, директор по долгу службы должен был остаться и руководить сотрудниками в музее, ожидая распоряжений от УКППЛ. Его спонтанный отъезд, скорее всего, был вызван быстрым продвижением нацистов к Красногвардейску (как называлась тогда Гатчина). Серафима Николаевна упоминала в дневнике, что в 11:40 ночи он вызвал всех из музея на вокзал для выезда из Гатчины. На следующий день в ее записях указано, что директор объявил о всеобщем увольнении.

Спасать ценности и консервировать здание в нескольких километрах от линии фронта остались научные сотрудники С. Н. Балаева, И. К. Янченко, Э. А. Тихановская, фотограф М. А. Величко, садовник Арен, охранники Рендов, Чуркин, Кисиленко, Околод и Калинин, галерейные Кокорева, Штейн, Шютч, Назарова, Гришечкина, Молчанова и полотер Григорьев. В 7 часов утра 21 августа они пришли на работу, но комендант города отказался принять на себя охрану дворца в связи с эвакуацией. О сложившейся ситуации Балаева сообщила начальнику Управления по делам искусств Василию Ильичу Исакову. 21 и 23 августа она получила от него два письма, в которых он выражал восхищение ее мужеством и решением остаться во дворце. Исаков просил ее руководить работами до прихода нового директора Н. В. Федоровича, бывшего руководителя Антирелигиозного музея (Исаакиевский собор). С 20 по 23 августа Серафима Николаевна исполняла обязанности директора⁴⁹.

26 августа был издан приказ начальника УКППЛ В. И. Исакова, где решение руководителя и еще нескольких лиц уехать в эвакуацию вместо того, чтобы остаться с сотрудниками в Гатчине, было расценено как дезертирство и оставление рабочих без руководства. Тем же приказом № 149 была объявлена благодарность Балаевой, Янченко, Величко, Тихановской, Рендову, Лаврову и Калинину за выполнение долга «перед Родиной при любых обстоятельствах»⁵⁰. Несмотря на то, что 25 августа 1941 года Управлением было получено письмо о том, что Дьяконов движется к Сарапулу с музейными ценностями, и эшелон был доставлен в сохранности в место назначения, во дворец бывший главный бухгалтер больше не вер-

⁴⁸ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 109. Л. 11 об. – 12.

⁴⁹ С 12 сентября Н. В. Федорович был призван в армию, и обязанности директора снова возложили на С. Н. Балаеву.

⁵⁰ См.: ОМАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. С. 44–45.

нулся. Документами Центрального Государственного архива Удмуртской республики (ЦГА УР. Р-755. Оп. 1. Д. 44. Л. 18 об.) подтверждается, что в первые месяцы пребывания в Сарапуле после эвакуации Г. В. Дьяконов был руководителем группы специалистов⁵¹. Позже, со слов сына бухгалтера А. В. Кузьмина, бывший исполняющий обязанности директора нашел работу по специальности в одном из совхозов Удмуртской ССР⁵².

После того как был отправлен последний эшелон в Сарапул, железнодорожная связь оборвалась и оставшиеся упакованными предметы стали переправлять на грузовых машинах в Ленинград. С 28 августа по 5 сентября 1941 года из дворца вывезли в общей сложности 2 542 экспоната (36 ящиков и 16 пушек без упаковки)⁵³, последние машины сотрудники также отправили с ценностями, а сами 9 сентября (восемь человек во главе с С. Н. Балаевой) ушли пешком. Всего благодаря мужеству, тяжелому труду и самоотверженности сотрудников удалось эвакуировать около 12 000 музейных предметов (в документах указано число 11 989⁵⁴).

Разместить экспонаты из крупнейших музеев Ленинграда и его пригородов решили в подвалах Исаакиевского собора, где располагался тогда Государственный антирелигиозный музей. Это было одно из самых надежных зданий города. Директором ОХМ УКППЛ вместо ушедшего на фронт Н. В. Федоровича стала Е. И. Лединкина, а главным хранителем — С. Н. Балаева. До ноября 1941 года из гатчинцев там числилась также Э. А. Тихоновская, но ее ставка была сокращена. Большую работу выполняла научный сотрудник Гатчинского дворца-музея И. К. Янченко. Ей уготована была печальная участь: в первую блокадную зиму она потеряла родителей, в декабре 1942-го маленькую дочь Наташу, а в мае 1942 года был арестован ее муж, А. П. Дьяконов. За активное участие в эвакуации музейных ценностей из пригородных дворцов-музеев и спасение ценностей 3 августа 1943 года она была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а всего через пять дней, 8 августа, погибла при артобстреле на Невском проспекте, сиротой остался ее маленький сын Петя.

Из других пригородных дворцов-музеев в подвалах собора работали М. А. Тихомирова из Петергофа, А. И. Зеленова, Б. С. Волкинд, супруги Вейсы из Павловска (с детьми), В. В. Лемус, Т. Ф. Попова и Е. Л. Турова (с сыном Алексеем) из Пушкина и другие. На казарменном положении в ОХМ находилось 64 взрослых и трое детей.

⁵¹ См.: Сарапул. Особый груз... С. 21.

⁵² Из личного архива М. В. Кирпичниковой.

⁵³ НА ГМЗ «Гатчина». Д. 3325. Балаева С. Н. Документы по эвакуации музейных ценностей из Гатчинского дворца. 1941(?). Л. 5.

⁵⁴ Обычно в документах фигурирует число 11 989 (иногда можно встретить 11 929 — вероятно, ошибочно), однако оно лишь приблизительно отражает действительный порядок вещей.

С целью маскировки золотой купол собора выкрасили серой краской, окна заложили щитами и мешками с песком. Однако и этому шедевр архитектуры не удалось избежать повреждений. Самые интенсивные бомбардировки обрушились на город в 1943 году. В январе взрывной волной были частично выбиты стекла уникального витража, а «5 декабря в 13:30 два снаряда калибра 130–150 мм попали: один в колонну, второй в карниз Исаакиевского собора, причинив небольшие разрушения»⁵⁵, однако это впоследствии сказывалось на температурно-влажностном режиме, который был очень важен для сохранения не только интерьера здания, но и экспонатов. На стенах храма из-за перепада температур, отсутствия вентиляции и отопления появлялась плесень, это было опасно еще и для здоровья и жизни людей, которые вынуждены были находиться там почти круглосуточно. При наступлении теплых и сухих дней музейные сотрудники перетаскивали мебель, гобелены на просушку. Трудно представить, как все это удавалось истощенным, изможденным голодом и холодом людям. Чтобы отворить тяжелые чугунные двери собора, даже физически крепким и здоровым мужчинам требуется приложить немало усилий. Что и говорить об измученных и ослабленных блокадниках, которые выполняли это дважды в день.

Находясь в сырых подвалах, сотрудники разных музеев продолжали вести научную и хранительскую работу. Вскрывались и переупаковывались ящики, производился учет предметов, писались научные статьи, готовились лекции для ленинградцев и солдат воинских частей. Разрабатывались планы восстановления и реставрации памятников. Даже об этом думали в еще заблокированном Ленинграде. Из воспоминаний директора Павловского дворца-музея А. И. Зеленовой: «Канцелярия и научная часть расположились в боковых притворах алтаря. Там же была сооружена маленькая печурка – „буржуйка“. На ней грели воду и подсушивали блокадную норму хлеба. Спали на досках, укрываясь одеждой»⁵⁶.

29 июля 1942 года, в дни тяжелейших боев на юге страны, Президиумом Верховного Совета СССР был учрежден Орден Суворова первой и второй степеней. Велась популяризаторская работа на тему военных героев страны. Например, Балаева в июле 1942 года работала над темой «Суворов» (выставка, посвященная полководцу, была открыта в кордегардии Гатчинского дворца-музея до войны). 8, 13 и 15 июля она читала доклад «Героический Ленинград» в воинских частях, а в августе «Суворов» для командного состава, параллельно С. Н. Балаева работала над планом будущей выставки в селе Кончанском (имение и место ссылки великого полководца).

⁵⁵ Рябов А. М. Артиллерийские обстрелы и бомбардировки Ленинграда. 1943 г. По материалам ЦГА СПб // Ленинград. Война. Блокада. Прорыв блокады. СПб.: Галарт, 2019. С. 415.

⁵⁶ Снаряды рвутся в Павловске... С. 25.

Среди ценнейших экспонатов Гатчинского дворца, хранившихся в ОХМ, были две занавеси лионского шелка из Башенного кабинета Павла I и сундук венецианской работы начала XVII века (в настоящее время находятся в фондах, требуют реставрации). Недавно выяснилось, что в ГМЗ «Царское Село» хранится ящик под номером 32 с маркировкой Гатчинского дворца-музея. В этом ящике в числе прочих экспонаты везли в Исаакиевский собор. Пересмотрев хранящиеся в научном архиве ГМЗ «Гатчина» поящичные описи, нам удалось установить, что именно в этом ящике находились сундук резной работы и лионские занавеси. В дневнике Балаевой есть запись от 2 июля 1942 года о проветривании занавесей лионского шелка и составлении паспорта ящика № 32. Этот обычный, ничем не примечательный предмет хранит в себе историю тех трагических дней.

Нередкими были водопроводные аварии в соборе. В феврале 1942 года были повреждены водопровод и ливневая канализация, подвалы подтопило водой, тогда часть пригородных хранителей была эвакуирована, часть получила квартиры в Ленинграде⁵⁷. Об одном из тяжелых дней апреля 1942 года С. Н. Балаева писала: «13 апреля. Авария в соборе. Залиты коридоры подвала. Перенос документов муз<ейного> Отдела в верхнюю бухгалтерию»⁵⁸. В течение последующих двух недель производилась откачка воды. Вот записи Анны Ивановны Зеленовой из Павловска: «Вода заполнила почти все отсеки подвала. Нужно было вытаскивать ящики с музейными экспонатами, хранившиеся внизу, и просушивать намокшие вещи»⁵⁹. В рабочем дневнике Балаевой есть сводки о температурно-влажностном режиме в Исаакиевском соборе, например, в апреле 1943 года влажность была «> 89–79%, t° +0,5° +2° в соборе, t° +5[?] до +20°. Начали открывать собор 14/IV. Открыли 3 раза. [На полях слева:] 26/IV течь в соборе от неисправности крана...»⁶⁰. В таких условиях жили и работали блокадные хранители музейных ценностей.

Восхищение вызывают героизм и самоотверженность сотрудников, которые они проявляли, сами о том не подозревая. В июле 1943 года, когда в Исаакиевском соборе дежурили только Балаева и Тихомирова, обе изящные, хрупкие, раздался сигнал воздушной тревоги. Женщины как раз выносили вещи на портик на просушку и уже вытащили несколько стульев и кресел, когда над площадью появился вражеский самолет. Их сшибло воздушной волной, бомба упала возле Главного почтамта, но, быстро придя в себя, они слаженно занесли мебель в собор и кинулись к статуе из Петергофа – «Персею», который «жил на портике потому, что его, каза-

⁵⁷ Сарапул. Особый груз... С. 299.

⁵⁸ Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. Дневник. Статьи. С. 109.

⁵⁹ Снаряды рвутся в Павловске... С. 28.

⁶⁰ Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. Дневник. Статьи. С. 109.

лось, невозможно было сдвинуть»⁶¹. Кто-то из них бросил обрезки старых водопроводных труб, и статуя послушно покатила по ним. Так, подбрасывая их еще и еще, две женщины затащили неподъемную статую в собор.

Нелегкой была и жизнь музейщиков в тылу. По прибытии в Сарапул сокровища пригородных дворцов Ленинграда были размещены в стенах Республиканского научного музея Прикамского края (такое наименование и статус носил Музей истории и культуры Среднего Прикамья)⁶², который стал официально называться Музеем-хранилищем ленинградских пригородных дворцов. 10 декабря 1941 года в городе Сарапуле находились 56 сотрудников музеев, а к 1 января 1942 года штат был сокращен до 14 человек с учетом хозяйственно-технического и обслуживающего персонала. На 22 апреля числилось 20 специалистов и членов их семей. Из гатчинцев там находились хранители музейных ценностей Е. А. Фаас с сыновьями, М. В. Дергачёва, плотник П. Н. Ободов с семьей, охранник П. А. Клепчуков с супругой⁶³. Сначала исполняющим обязанности заведующего был назначен заместитель начальника УКППЛ В. П. Костин⁶⁴, позже директором стал демобилизованный с фронта с тяжелым ранением М. А. Легздайн, до войны руководивший Музеем истории Ленинграда⁶⁵.

12 февраля 1944 года директор Музея-хранилища в Сарапуле М. А. Легздайн написал письмо в Управление по делам искусств исполкома Ленгорсовета, где указывал на необходимость срочно возвращать эвакуированные предметы искусства в освобожденный Ленинград. Причиной поспешности являлись условия, непригодные для хранения первоклассных экспонатов⁶⁶. Вот как вспоминал о работе в хранилище столяр А. Н. Каменский: «Огромный подвал музея был заложен хрусталем фарфором всевозможные вазы блюда. Такая в музее была теснота что можно пройти кое-как. Очень тесно. Нучные работники музея все разбирали»⁶⁷.

18 мая 1944 года была утверждена «Инструкция по учету, упаков-

⁶¹ Тихомирова М. А. Памятники. Люди. События. С. 42–43.

⁶² См.: Сарапульский музей присоединился к межмузейной сетевой акции «Ленинградская Победа». URL: <https://museumsarapul.ru/media/events/sarapulskiy-muзей-prisoedinilsya-k-mezhmuzeynoy-setevoy-aktsii-leningradskaya-pobeda> (дата обращения: 08.10.2021).

⁶³ Сарапул. Особый груз... С. 20, 32 (ЦГА УР. Р-755. Оп. 1. Д. 44. Л. 18–18 об.).

⁶⁴ См.: Плауде В. Ф. «Сохранить национальное достояние...» // Город Пушкин. Дворцы и люди: Сборник научных статей / Под общ. ред. И. К. Ботт. СПб.: Русская коллекция, 2015. С. 49.

⁶⁵ В статье С. Н. Уварова «Эвакуация из Ленинграда в Удмуртскую АССР» (опубликована в: Побратимы / Отв. ред. Ю. З. Кантор. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 462), говорится, что Легздайн был назначен в мае 1943 года, однако из статьи П. В. Петрова, опубликованной в сборнике «Сарапул. Особый груз...», видно, что он был назначен в апреле 1942 года, что подтверждается ссылкой на документы: ОМАК. Ф. 2. Оп. 1 Д. 506. Л. 5 об., 10 об., 12 об., 19.

⁶⁶ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.

⁶⁷ Сарапул. Особый груз... С. 43. Авторская орфография и пунктуация сохранены.

ке и перевозке музейных ценностей при их реэвакуации»⁶⁸. В выписке из протокола № 153 от 24 июля 1945 года заседания исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся сообщалось о решении «реэвакуировать в августе 1945 г. из г. Сарпула Удмуртской АССР в Ленинград музейные ценности ленинградских пригородных дворцов»⁶⁹, для чего у Наркомата путей сообщения запрашивалось 40 вагонов.

Однако в связи с возникшими осложнениями, в первую очередь с невозможностью размещения большого количества предметов, а также тяжелыми дорожными условиями реэвакуация откладывалась. Срок был продлен до 1 января 1946 года (протокол № 156-109)⁷⁰. Начался вывоз ценностей в октябре 1945 года. Разместить их было решено в Александровском дворце города Пушкина как наиболее хорошо сохранившемся. Там было создано хранилище музейных фондов, которое затем переместили в Павловск.

Говоря об эвакуации, стоит упомянуть, каких колоссальных расходов она потребовала. Документ, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации, может наглядно продемонстрировать те материальные затраты, которые понес музей в связи с эвакуацией экспонатов: «Приложение № 11. Акт 1944 года Августа, 5. Город Гатчина. Мы, нижеподписавшиеся: Директор ГДМ Роткевич А. Н., ст. н. с. С. Н. Балаева, бухгалтер Ожигина Нина Васильевна и председатель общественности Николаева Ольга Александровна, при участии экспертов профессора Макарова В. К., профессора Фармаковского М. В., составили акт: настоящей комиссией произведен подсчет расходов на основании свидетельских устных показаний сотрудников ГДМ, принимавших непосредственное участие в эвакуации имущества и музейных ценностей.

Расходы, связанные с эвакуацией в разрезе номенклатуры типового акта по ущербу, складываются из нижеследующего:

а) Изготовление тары и приобретение упаковочных средств. 250 ящиков 50 рублей — 12 500 рублей. Бумага, вата, восковка, клеенка — 10 000 рублей всего 22 500 рублей.

б) демонтаж музейных ценностей. 60 000 предметов по 5 рублей. Всего 300 000 рублей.

в) Упаковка в тару: 12 000 предметов по 1 рублю. 12 000 рублей»⁷¹. Всё это расходы, связанные только с демонтажом и подготовкой к транспортировке ценнейших экспонатов. Тогда еще, конечно, не было профильных компаний, специализировавшихся на упаковке, и сотрудникам

⁶⁸ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–20.

⁶⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.

⁷⁰ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3. Л. 47, 72.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 30. Д. 1614. Л. 73, 75.

приходилось учиться буквально на ходу, причем в условиях, сопряженных с опасностью для жизни.

В 1950 году в результате проверки наличия музейных ценностей пригородных дворцов-музеев были подсчитаны цифры ущерба, причиненного оккупационными войсками Гатчинскому дворцу. После войны имелось в наличии 15 878 экспонатов, из них 11 989 было эвакуировано, около четырех тысяч возвращено из Германии и западных районов СССР. Утраченными считались 38 152 экспоната⁷². В послевоенное время продолжились поиски ценностей, однако находки уже были не такими крупными.

Сейчас в коллекции находится около 15 000 единиц хранения, среди которых больше половины занимают подлинные экспонаты, эвакуированные в Сарапул и вернувшиеся в родные стены. Еще около 8 000 предметов, принадлежащих к исторической коллекции ГМЗ «Гатчина», рассредоточены по другим музеям страны, но важно, что мы знаем об их местонахождении. Точное количество пропавших в годы войны экспонатов, к сожалению, назвать не представляется возможным, но будем надеяться, что с каждым годом это число будет уменьшаться. Наиболее полно сохранились коллекции оружия и чертежей, которые были эвакуированы почти полностью.

Плачевное состояние прекрасных дворцово-парковых ансамблей (иногда просто пепелище и груды обломков) приводило сотрудников в отчаяние. Из послевоенных записок сотрудницы Петродворца М. А. Тихомировой: «Повсюду открывалась картина тяжелых разрушений. Но единственным безнадежным представлялся лишь Гатчинский дворец. С виду он казался совсем целым, даже наружные двери его сохранились, их можно было открыть и переступить порог, но лишь для того, чтобы увидеть, как все внутри уничтожено пожаром. И при малейшем прикосновении к мраморной отделке стен вокруг здания она рассыпалась в прах. Там все проваливалось и отваливалось, и повсюду царил такой хаос разрушения, что не было никакой возможности восстановления многочисленных интерьеров этого громадного и сложного по отделке здания»⁷³.

На первый взгляд, восстановление казалось невозможным. Но началась работа, и в еще воюющей стране стали открываться первые выставки. Свои действия по спасению реликвий в блокадные годы музейщики не считали подвигом, они выполняли свой долг. Но одно дело исполнять привычные обязанности в мирное время, и совсем другое – суметь в условиях войны проявить самоотверженность, выдержку, силу воли и ценой невероятных усилий сохранить для потомков шедевры искусства.

9 мая 1995 года у Центральных дверей Гатчинского дворца со сто-

⁷² См.: Культурные ценности – жертвы войны. URL: http://www.lostart.ru/ru/svodnyj_katalog (дата обращения: 08.10.2021).

⁷³ Тихомирова М. А. Памятники. Люди. События. С. 115.

роны плаца появилась мраморная табличка: «Вечной памяти музейных работников и реставраторов, спасавших культурное достояние России в годы Великой Отечественной войны». 7 сентября 2020 года в вестибюле первого этажа Центрального корпуса была торжественно открыта мемориальная доска Серафиме Николаевне Балаевой – главному хранителю Гатчинского дворца и Объединенного хранилища музеев в годы Великой Отечественной войны.

Никого из представителей разных музейных отделов и служб, которые сохраняли для нас сокровища, уже нет в живых, но память о каждом из них живет и сейчас в каждом подлинном экспонате, размещенном в интерьерах ГМЗ «Гатчина».

Мемориальная доска на фасаде Гатчинского дворца «Вечной памяти музейных работников и реставраторов, спасавших культурное достояние России в годы Великой Отечественной войны». ГМЗ «Гатчина»

Торжественное открытие мемориальной доски главному хранителю С.Н. Балаевой 7 сентября 2020 года. ГМЗ «Гатчина»

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В г. МОЛОТОВ: ИСТОРИЯ ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА «ВО ИМЯ ЖИЗНИ» (Санкт-Петербург – Пермь, 2019 г.)

DOI: 10.48466/3659.2021.79.89.038

И. В. Петров,
старший научный сотрудник «Музейно-выставочного центра»,
кандидат исторических наук

Январь 2019 года был ознаменован празднованием памятной даты – 75-летия полного освобождения Ленинграда от нацистской блокады. День, когда закончилась беспримерная в истории героическая защита города, выдержавшего 872-дневную осаду, навсегда останется в памяти ленинградцев и петербуржцев.

Проект «Россия – моя история», экспозиции которого представлены в Санкт-Петербургском государственном бюджетном учреждении культуры «Музейно-выставочный центр» (далее СПб ГБУК «МВЦ»), направлен на патриотическое воспитание, формирование и развитие нравственных ценностей у подрастающего поколения и распространение знаний в области истории и культуры России. В череде событий и исторических явлений, охватывающих более чем тысячелетний период развития нашего государства и представленных при помощи мультимедийного оборудования в экспозициях парка, особое место уделяется блокаде Ленинграда.

СПб ГБУК «МВЦ» подготовил масштабный межрегиональный выставочный проект «Во имя жизни», целью которого стало создание условий для формирования диалога между поколениями, сохранения исторической памяти посредством привлечения молодежи к изучению исторического и культурного наследия страны.

С 17 января по 17 февраля 2019 года на базе СПб ГБУК «МВЦ» была организована выставка «Во имя жизни», приуроченная к 75-летию со дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады и посвященная эвакуации жителей блокадного города. Она объединила два региона: Пермь и Санкт-Петербург.

Использованный при подготовке выставки интеллектуально-эмоциональный подход позволил создать в экспозиционном пространстве (выставочном зале площадью 200 квадратных метров и атриуме площадью 1 000 квадратных метров) интерактивные инсталляции, раскрывающие тему эвакуации из Ленинграда в Молотовскую область (Пермский край): Эвакопункт – Вокзал – Госпиталь – Быт – Промышленность – Наука – Культура. Оригинальный предметный ряд был дополнен декорационным оформлением и мультимедийными системами, позволяющими воспроизводить цифровые копии исторических документов. Сочетание оригинальных предметов, связанных с эвакуацией Ленинграда, и современных выставочных технологий дало возможность современным школьникам прикоснуться к миру своих сверстников, прошедших тяжелый путь взросления в военный период. Также на выставке были представлены результаты поисково-исследовательской деятельности петербургских и пермских школьников.

Экспозиции были объединены в несколько тематических блоков. Первый из них рассказывал об этапах эвакуации жителей блокадного Ленинграда. За двадцать месяцев (с 29 июня 1941 года по 1 апреля 1943 года) осажденный город покинули свыше 1,7 миллиона человек. География их расселения была обширной. Город Молотов (Пермь) и Молотовская область стали одними из важнейших узлов эвакуации. Отметим, что в экспозиции выставки было отдельно сказано о каждой из волн эвакуации: первой (24 июня – 8 сентября 1941 года), второй (8 сентября – 20 ноября 1941 года), третьей (20 ноября 1941 года – 21 апреля 1942 года) и четвертой (25 мая – 15 августа 1942 года).

Большинство фотографий, использованных в этой части экспозиции, были предоставлены Центральным государственным архивом кинофотодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФД СПб). Среди них – фотографии эвакуируемых ленинградцев на палубе тендера в Ладожском озере, посадка пассажиров на скоростной самолет гражданской авиации и множество других.

Материалы, рассказывающие о развертывании эвакогоспиталей в тыловых районах Советского Союза, предоставил Военно-медицинский музей. Посетители выставки смогли ознакомиться с «Инструкцией о порядке приема прибывающих больных», «Карточкой учета поступившего в лечебное учреждения» образца 1942 года. Ценные фотоматериалы предоставил Государственный архив Пермского края. Благодаря фотоснимкам посетители смогли увидеть процесс переливания крови раненым в эвакогоспиталях, бескорыстное служение медсестер и помощь неравнодушных жителей Молотова и Молотовской области в спасении жизни и поднятии духа советских солдат.

Жемчужиной экспозиции стала карта-схема, на которой можно было увидеть расположение эвакуогоспиталей в Молотове в период Великой Отечественной войны. Также в экспозиции был представлен план города Молотова военного времени.

Следующий раздел выставки получил название «Налаживая быт». Основной его задачей было рассказать о том, как прибывающие в Молотовскую область ленинградцы обеспечивались жильем. Чаще всего эвакуированные оказывались в одно- или двухэтажных постройках из дешевых материалов (возводились они в считанные дни), бараках, расположенных вблизи промышленных предприятий. В экспозиции представлены не только фотографии, рассказывающие о быте эвакуированных ленинградцев, но и воссоздающая комнату инсталляция, демонстрирующая суровые условия жизни в эвакуации.

Отдельные разделы были посвящены культурным учреждениям, в частности Ленинградскому хореографическому училищу (его возглавляла в эвакуации Агриппина Яковлевна Ваганова) и Кировскому театру (покинул Ленинград 19 августа 1941 года). Жили артисты в гостинице «Центральная». За время пребывания в Молотовской области они осуществили 27 оперных и балетных постановок, подготовили 14 концертных программ. Летом 1943 года часть труппы, эвакуированной в Молотов, гастролировала в Москве¹.

В августе 1941 года началась эвакуация Русского музея. Чтобы сохранить такие известные полотна, как «Медный змий» Федора Бруни, «Христос и грешница» Василия Поленова или же непревзойденный шедевр Карла Брюллова «Последний день Помпеи», их накатывали на специальные валы, без единой складки, без повреждения красочного слоя, по несколько картин на каждый вал. Перевозка началась 1 июля 1941 года. Первоначально экспонаты были эвакуированы в Горький, и только 14 сентября 1941 года баржа с художественными ценностями оказалась в Молотове. Большая часть экспонатов хранилась в здании Молотовской художественной галереи, другая часть располагалась в закрытой для верующих православной церкви города Соликамска.

В эвакуации в Молотове оказались также ленинградские писатели и поэты: Осип Брик, Михаил Козаков, Вера Панова, Михаил Слонимский, Виталий Бианки, Юрий Тынянов, приезжал работавший военным корреспондентом Вениамин Каверин и другие. В экспозиции были представлены произведения этих авторов, написанные в молотовский период творчества. Часть раздела посвящена поэту Анатолию д'Актилю, скончавшемуся в эвакуации.

¹ Алексеев А. Ю., Кожемякин А. О., Минутина-Лобанова Ю. Л. Во имя жизни. СПб.: Реконструкция; СПбГУПТД, 2019. С. 100–107.

Помимо самого Молотова, еще одним культурным центром области стал город Березники. Сюда в 1942 году из Ленинграда был эвакуирован Театр юного зрителя. За время пребывания на гостеприимной березниковской земле артисты подготовили 42 новые постановки. Спектакли и концертные программы были показаны в 27 городах и населенных пунктах. Всего за период эвакуации было дано 943 представления. В 1964 году в крае, благодаря настойчивым просьбам местных жителей, был открыт свой ТЮЗ, во многом вдохновленный творчеством ленинградцев в военное время².

Оказались в Молотовской области и учебные заведения. В 1942 году в Молотов прибыли студенты и преподаватели Ленинградского сельскохозяйственного института. Расположились они в Молотовском сельскохозяйственном институте. Ученые двух научных школ плодотворно взаимодействовали между собой и активно претворяли в жизнь постановление правительства «О производстве и применении сельскохозяйственных бактериальных препаратов». В 1943 году институт получил диплом 1-й степени областной сельскохозяйственной выставки.

Кроме того, в Молотове в эвакуации оказались созданные в 1940 году при Ленинградском педагогическом институте имени Герцена курсы для военноослепших. Их главной целью была социализация бойцов Красной армии, потерявших зрение на фронте во время Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, а также их подготовка к поступлению в высшие учебные заведения. Организовал курсы профессор Борис Коваленко, сам потерявший зрение в сознательном возрасте. Курсы военноослепших приютил Молотовский педагогический институт.

Ленинградский военно-механический институт был в 1942 году эвакуирован на Северный Кавказ, в Пятигорск, но в августе того же года из-за угрозы оккупации Пятигорска нацистами состоялась повторная эвакуация – в Молотов. Здесь институт расположился в здании Дома техники. За годы войны он выпустил 145 инженеров для военной промышленности СССР.

О пребывании ленинградцев в Молотовской области рассказывали материалы из собраний Пермского политехнического колледжа имени Н. Г. Славянова, Государственного архива Пермского края. Широко были представлены воспоминания очевидцев тех лет, в том числе самого заведующего курсами ослепших красноармейцев профессора Б. И. Коваленко.

Существенный вклад внесли ленинградцы и в оборонное производство Молотовской области. Одним из важнейших эвакуированных сюда предприятий стал Ленинградский электромеханический завод. Монтаж оборудования и организация производства произошли в рекордные сроки с 10 августа по 1 сентября 1941 года. Также были эвакуированы Ленинградский завод

² Алексеев А. Ю., Кожемякин А. О., Минутина-Лобанова Ю. Л. Во имя жизни. СПб.: Реконструкция; СПбГУПТД, 2019. С. 110.

оптического стекла № 354 (размещен в поселке Сарс на станции Чад Щучье-Озерского района), завод № 224 Наркомата авиационной промышленности (расположился на площадях Молотовского авиатехникума), в Березники для организации снарядного производства прибыли рабочие и оборудование Ленинградского механического завода имени Карла Либкнехта. Многие промышленные предприятия способствовали созданию и модернизации заводов Молотовской области. Так, вывезенный из Ленинградской области Шлиссельбургский пороховой завод положил начало нынешнему Пермскому пороховому заводу № 98, который был организован в Закамске. Оставили ленинградцы свой след и в городе Краснокамске. Сюда были эвакуированы работники Бумажной фабрики Гознака. Именно они способствовали развитию и модернизации Краснокамской бумажной фабрики. В Краснокамске оказались и работники Монетного двора и типографии имени М. Горького. В городе в период Великой Отечественной войны изготавливались медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», ордена Красной Звезды и Отечественной войны. Уникальные материалы для раздела экспозиции, посвященного вкладу ленинградцев в развитие промышленности Молотовской области, предоставили Государственный архив Пермского края, Пермский государственный архив социально-политической истории, а также частные собрания пермских и петербургских коллекционеров.

В промышленном производстве, однако, была задействована не вся масса эвакуированных в Молотовскую область ленинградцев. О тех, кто наравне с коренными жителями нынешнего Пермского края трудился на сельскохозяйственных работах, рассказывала часть экспозиции под названием «На полях Молотовской области». Осенняя нагрузка легла на плечи юных ленинградцев, которые делали все, чтобы не повторились оставшиеся в памяти страшные картины блокадного голода.

О главном чаянии ленинградцев в молотовской эвакуации посетителям выставки рассказывал раздел «С мечтой о возвращении». Вопросы реэвакуации обсуждались ленинградским руководством еще в 1942 году, после прорыва блокады они активизировались. Первые реэвакуированные прибыли в родной город уже в феврале 1943-го. 18 марта 1944 года в городе на Неве при Ленгорисполкоме была создана комиссия по реэвакуации. Однако массовое возвращение началось в марте 1944 года, когда блокада была снята и вышло постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.». На выставке были представлены иллюстрирующие этот процесс уникальные фотоснимки из ЦГАКФФД СПб, предметы быта, одежды из личных коллекций О. Б. Алексева, А. А. Константинова, С. Н. Лебедкина и других.

Завершал выставку раздел «Восстановление Ленинграда», рассказывающий о тех проблемах, с которыми столкнулись ленинградцы по возвращении. Наиболее сложной была ситуация с жильем: многие дома были разрушены в ходе вражеских обстрелов, городская инфраструктура уничтожена. Фотографы, часть из которых пережила блокаду, запечатлели процесс восстановления городского хозяйства. Снимки, представленные на выставке, сохранили лица ленинградцев, изнуренных войной и блокадой, но веривших в то, что город можно будет восстановить.

Резэвакуация продолжалась и после победы в Великой Отечественной войне. Только 1 июля 1946 года Ленинград перестал быть закрытым городом. Многие вернувшиеся домой с большой теплотой вспоминали приютивших их пермяков, а те в свою очередь высоко оценили вклад оказавшихся на Урале ленинградцев в культурное, научно-техническое и образовательное развитие края. Об этом свидетельствовали цитаты из воспоминаний и дневниковых записей, представленных на выставке.

При создании экспозиции особый акцент был сделан на культурном и духовно-нравственном подвиге ленинградцев и факторе экономического, научного и культурного роста принимавших их регионов.

Отдельной частью выставки стала экспозиция «Спасенное детство». Она работала с 25 января по 10 февраля 2019 года и была посвящена Легаевскому интернату в Молотовской области, куда были эвакуированы воспитанники и сотрудники детского сада № 20 Октябрьского района Ленинграда. Выставка была организована совместно с ТАСС – Северо-Запад, РОО «Пермское землячество», ГБОУ «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных», ФГБУКИ «Военно-медицинский музей», музеем «Дети и дошкольные работники осажденного Ленинграда» при СПб ГБПОУ «Педагогический колледж № 8», АО «Центр выставочных и музейных проектов», Государственным Русским музеем, ЦГАКФФД СПб, Государственным архивом Пермского края, Санкт-Петербургским государственным университетом промышленных технологий и дизайна.

Основой экспозиции стали уникальные материалы: стихи, стенгазеты, фотографии и воспоминания эвакуированных детей, копии их рисунков, в том числе результаты поисково-исследовательской деятельности современных петербургских школьников. Специально созданные для выставки «Спасенное детство» инсталляции демонстрировали не только музейный предметный ряд, но и декорации, оснащенные мультимедийными интерактивными системами. Это дало возможность посетителям прикоснуться к миру детей, прошедших тяжелый путь взросления в военный период.

Когда в 1941 году ленинградские дети покинули родной город, первоначально их отправили в Ярославскую область и только потом, осенью,

в Молотовскую. Жили они в деревне Легаевка, недалеко от станции Чернушка (ныне в составе Чернушинского муниципального района Пермского края). Воспитатели детского сада помогли организовать ясли для местного колхоза, делились всем: опытом, игрушками и т. д. К 1944–1945 годам в Легаевском детском доме было уже 37 школьников. Воспитатели помогали ребятам не забыть, что они ленинградцы. Заведующая интернатом Е. Н. Скотникова вспоминала, что, узнавая о смерти родственников кого-либо из подопечных, они подыскивали того, кто бы писал ребятам письма, чтобы дети не чувствовали себя покинутыми³. Та же Е. Н. Скотникова вспоминала об атмосфере в детском доме следующее: «Бывали вечера, когда каждому хотелось делать „что хочешь“. Тогда кто рисует, кто вышивает, кто читает. Ися и Валентин где-то в уголке пишут стихи, кто-то пишет письма и тихонько всхлипывает, и вдруг – взрыв смеха – кто-то нарядился то ли дедом Морозом, то ли военным, то ли котом в сапогах или еще кем-то, начинал балагурить, тоже развлечение, ничего не скажешь. Пусть побалуется, посмеются. Мало на это им было отпущено времени. Война. Мало смеялись, у всех внутри тревога. Бывало, уложим ребят спать. Они затихнут. Уйдем на время. Слышим разговоры. Пусть поговорят. Ведь у них есть о чем поговорить без взрослых»⁴.

Легаевский детский дом вернулся из эвакуации летом 1945 года. Все-го в Молотовскую область из Ленинграда эвакуировали 78 детских интернатов и 50 детских садов, то есть 10 тысяч детей. Ленинградских детей, оставшихся без родителей, часто брали под опеку коллективы предприятий: Мотовилихинский завод (50 сирот), Камский целлюлозно-бумажный комбинат (70 сирот), Соликамский калийный комбинат (40 сирот). По достижении шестнадцатилетнего возраста ленинградцы шли работать на пермские заводы.

Помимо эвакуации Ленинграда, экспозиция «Спасенное детство» рассказывала о трагедии гражданской войны в Испании 1936–1939 годов, вследствие которой тысячи испанских детей и подростков были эвакуированы в СССР, где обрели новый дом. Более ста испанских юношей и девушек ушли добровольцами на фронт в составе Ленинградской армии народного ополчения, регулярных частей Красной армии, партизанских отрядов. Более пятидесяти пали смертью храбрых при защите Ленинграда. На выставке представлены фотодокументы, рассказывающие о «ленинградских испанцах».

Выставки получили положительные отзывы и высокие оценки музейного и научного сообщества Санкт-Петербурга. Экспозицию посетили губернатор Санкт-Петербурга А. Д. Беглов, заместитель председателя

³ Алексеев А. Ю., Кожемякин А. О., Минуткина-Лобанова Ю. Л. Во имя жизни. С. 144.

⁴ Там же. С. 145.

Комитета по межнациональным отношениям В. Я. Окрушко, заместитель председателя Комитета образования А. А. Борщевский, директор Дома национальностей Е. А. Кузнецова, уполномоченный по правам ребенка в Санкт-Петербурге С. Ю. Агапитова, уполномоченный по правам человека в Пермском крае П. В. Миков, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга И. В. Иванова, доктор исторических наук И. М. Кузинец, советник при ректорате Санкт-Петербургского государственного Института культуры В. П. Яковлев, бывший воспитанник Легаевского интерната И. Х. Фарберов, заведующий фототекой Государственного Русской музея Г. А. Поликарпова, директор Государственного мемориального музея А. В. Суворова В. Г. Гронский, координатор «Ночи музеев» Н. С. Яблонская, директор Государственного бюджетного нетипового государственного учреждения «Санкт-Петербургский Дворец творчества юных» М. Р. Катуннова, заместитель директора Государственного архива Пермского края М. А. Старкова; представители организации «Жители блокадного города», общества воспитанников детских домов Ленинграда, представители Совета ветеранов и международной ассоциации общественных организаций блокадников города-героя Ленинграда.

Подходы, которые были применены при создании межрегионального выставочного проекта «Во имя жизни» (два экспозиционных пространства, объединенных общей темой; совмещение классических приемов экспонирования и включения в пространство интерактивных зон; раскрытие тем при помощи музейных предметов, мультимедийного оборудования и декораций) позволяют в полной мере реализовать цель проекта – сохранение исторической памяти народа, популяризацию истинных ценностей среди молодого поколения, воспитание в духе патриотизма и гордости за стойкость и подвиг наших предков во имя жизни. Их значимость – в сохранении исторической памяти и создании экспозиционных пространств для диалога между поколениями.

Сегодня становится очевидным, что несмотря на десятилетия, отделяющие нас от событий военного времени и эвакуации, актуализируются связи между регионами России на основе общей истории. Обнаруженные в Пермском крае и переданные в Санкт-Петербург рисунки эвакуированных детей Ленинграда явились поводом для создания масштабных выставочных проектов, проведения исследовательской работы детей и взрослых, для взаимодействия на межведомственном уровне учреждений культуры и образования и объединения региональных ресурсов. Огромное значение имеет тот факт, что к этой теме привлечены участники из разных регионов, научных и музейных учреждений, для которых осмысление темы эвакуации и Великой Отечественной войны имеет практическую направленность и особое значение в изучении истории страны.

В ожидании эвакуации

План города Молотова военного времени

*Картины быта эвакуированных
в Молотовскую область*

*Экспозиция,
посвященная эвакуогоспиталям*

*Летние френчи партработника
и служащего железной дороги*

ЭВАКУАЦИЯ И РЕЭВАКУАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ПЕТЕРГОФСКИХ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

DOI: 10.48466/7754.2021.79.34.039

П. В. Петров,
заведующий отделом музейных исследований
ГМЗ «Петергоф»,
доктор исторических наук

Как и в жизни всей нашей страны, в судьбе Петергофских дворцов-музеев и парков 22 июня 1941 года стало трагической датой. В ходе Великой Отечественной войны в течение двух с половиной лет на их территории происходили ожесточенные боевые действия, что сказалось самым катастрофическим образом на состоянии дворцов, парков, фонтанов и музейных коллекций Петергофа. Масштабы разрушений и утрат, которые понес дворцово-парковый ансамбль в ходе войны, до сих пор потрясают воображение и являются беспрецедентными в мировой истории.

В первой половине 1930-х годов в Советском Союзе разрабатывались общегосударственные планы эвакуации на случай возможной войны. В рамках этих мероприятий в 1936 году Президиум Ленсовета утвердил составленный в Управлении ленинградскими и пригородными дворцами-музеями и парками Ленсовета (УДПЛ) план разгрузки (то есть эвакуации) музейных ценностей. В соответствии с этим планом в случае начала войны все пригородные дворцы-музеи — Петергофа, Детского Села (Пушкина), Слуцка (Павловска) и Красногвардейска (Гатчины) — должны были отправить в тыл 4 871 наиболее ценный музейный предмет согласно составленному тогда же списку¹. Причем для вывоза в тыл музейного имущества выделялось всего лишь восемь железнодорожных вагонов: четыре предоставлялись Гатчинскому дворцу-музею, два — Павловскому музею и по одному вагону — Петергофским и Пушкинским дворцам-музеям².

5 июля 1937 года дирекцией Петергофских дворцов-музеев и парков совместно со спецотделом Ленсовета и спецотделом УДПЛ был ут-

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 62; ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

вержден список наиболее ценных музейных вещей, предназначенных для эвакуации, включавший в себя 667 предметов³. 29 сентября 1937 года на совещании при УДПЛ были внесены изменения в петергофский план разгрузки: исключены четыре бронзовые люстры и собрание портретов П. Ротари «как громоздкое», но зато включены в список столовые сервизы Гурьевский и «Веджвуд», а также мебельный гарнитур «Чиппендейл» и гобелен «Петр I на Ладожском озере спасает рыбаков»⁴. По итогам проведения генеральной инвентаризации музейных ценностей в пригородных дворцах Ленинграда в 1938–1939 годах, которая охватила 300 тысяч музейных предметов, руководству этих музеев стало понятно, что особо ценных предметов в них хранится значительно больше, чем предполагалось изначально.

В связи с этим созданное в феврале 1938 года Управление культурно-просветительными предприятиями Ленгорсовета (УКППЛ) поставило перед исполкомом Ленгорсовета вопрос о необходимости пересмотра плана разгрузки и увеличения количества эвакуационных баз и выделяемого железнодорожного подвижного состава. Без кардинальной переработки эвакуационного плана в масштабах всего СССР пересмотреть конкретный план эвакуации имущества пригородных дворцов-музеев Ленинграда было невозможно, однако к лету 1941 года ситуация принципиально так и не изменилась⁵.

Сразу же после объявления Германией войны Советскому Союзу 22 июня директор Петергофских дворцов-музеев и парков Ю. В. Финкельштейн отдал приказ заместителю директора по научной работе А. В. Шеманскому проверить списки эвакуируемых музейных ценностей и срочно начать работу по их упаковке и отправлению⁶. Уже спустя два дня, 24 июня, вышло распоряжение исполкома Ленгорсовета №46, согласно которому были закрыты для посещения Большой дворец в Петергофе и Екатерининский и Александровский дворцы-музеи в Пушкине, а во всех парках запрещено проведение массовых гуляний, карнавалов, митингов и шествий⁷. Отныне пригородные дворцы-музеи прекращали свою мирную жизнь и переходили на военное положение.

В Петергофских дворцах-музеях сразу же начались работы по отбору и упаковке музейных предметов первой очереди эвакуации. О том, как проходила упаковка музейных вещей в Петергофе, рассказал в своих воспоминаниях бывший директор Петергофских и Ораниенбаумских

³ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16317. Л. 111–119.

⁴ Там же. Л. 120.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 40. Л. 6–7.

⁶ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16317. Л. 110.

⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1420. Л. 47.

дворцов-музеев и парков Мартин Михайлович Ребанэ, занимавший должность с 29 июня по 19 декабря 1941 года. Согласно его словам, «каждый предмет завертывался в бумагу или полотно (иной еще и в вату, в отдельную коробку или в войлок). На обертке или коробке наносился шифр предмета, а в описях отмечалось, в какой ящик предмет уложен. Некоторые предметы, которые неудобно было укладывать, приходилось демонтировать и упаковывать по частям...»⁸ Уже 29 июня 1941 года железнодорожный пульмановский вагон с 38 ящиками, где находились 1695 музейных экспонатов Петергофа первой очереди эвакуации, отправился по Октябрьской железной дороге в город Горький. К месту назначения музейные вещи прибыли 4 июля и были размещены в здании Городского коммунального музея⁹.

Сразу после отправки первой очереди музейных предметов Управление культурно-просветительными предприятиями Ленсовета поставило перед Наркоматом коммунального хозяйства РСФСР вопрос о дальнейшей эвакуации музейных вещей, но, так и не получив ответа, смогло решить эту проблему путем телеграфной переписки между исполкомом Ленгорсовета и городскими советами Горького и Сарапула (эвакуационные базы № 1 и № 2)¹⁰. Приказом № 105 по УКППЛ от 5 июля 1941 года уполномоченным лицом по наблюдению и контролю за сохранностью музейных ценностей, отправляемых в эвакуацию в города Горький и Сарапул, был назначен помощник начальника Управления по кадрам В. П. Костин, отправленный с этой целью в командировку с 6 июля по 15 августа¹¹.

Здесь нужно отметить, что на процесс эвакуации музейных предметов Петергофа и всех остальных пригородных дворцов-музеев летом 1941 года сильно повлияли три фактора: 1) эвакуация промышленных предприятий Ленинграда (в соответствии с постановлением ГКО № 99 от 11 июля 1941 года¹² и распоряжением председателя ленинградской Правительственной комиссии по эвакуации¹³ № 38 от 16 июля 1941 года¹⁴), для чего был задействован весь подвижной состав Октябрьской и Ленин-

⁸ Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 7964/1-8-ар. Л. 2–4.

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110. Л. 7; Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16317. Л. 1, 10, 19, 33.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110. Л. 1 об.

¹¹ Объединенный межведомственный архив культуры (ОМАК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 27 об. – 28.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–51; Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 89–107.

¹³ Комиссия по эвакуации была создана постановлением бюро Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) № 45, п. 47гс от 27 июня 1941 года. См.: Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сборник документов. Постановления бюро Ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. 1. Июнь 1941 г. – март 1942 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 106.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 60. Л. 67.

градской железных дорог, 2) призыв музейных сотрудников в ряды Красной армии и команды местной ПВО и 3) массовое привлечение музейщиков к трудовой повинности для сооружения оборонительных сооружений под Ленинградом¹⁵. Все это нарушило ход эвакуационных работ и привело к тому, что в течение целого месяца — с середины июля до 20-х чисел августа — отправка музейного имущества из пригородных дворцов в тыл страны не проводилась.

15 августа 1941 года заместитель председателя исполкома Ленгорсовета Е. Т. Федорова направила письмо в Совет народных комиссаров Удмуртской АССР, где обратилась «с настоятельной просьбой разместить в Сарапуле до 30 вагонов (двухосных) с музейными ценностями Ленинграда»¹⁶. Параллельно УКППЛ составило для руководства Ленинградской и Октябрьской железных дорог заявку о предоставлении для эвакуируемых музейных ценностей с 20 по 25 августа 20 двухосных крытых товарных вагонов. Для обеспечения отгрузки ценностей на период с 15 по 25 августа все рабочие и сотрудники музеев Петергофа, Пушкина, Павловска и Гатчины были освобождены от трудовой повинности¹⁷. И, наконец, распоряжением председателя Правительственной комиссии по эвакуации П. С. Попкова от 17 августа 1941 года всем пригородным дворцам-музеям были предоставлены 12 железнодорожных вагонов из наличного подвижного состава Ленинградской и Октябрьской железных дорог, в том числе Петергофу три вагона¹⁸. После этого начался очередной, уже завершающий этап в эвакуации ценностей пригородных дворцов.

В результате с июля по сентябрь 1941 года из Петергофа в эвакуацию были отправлены еще пять партий музейных предметов, которые ушли в разные города: Горький (вторая и третья партии), Сарапул (четвертая партия) и Ленинград (пятая и шестая партии). В частности, в Горький 6 и 14 июля по железной дороге вывезли 3 273 музейных предмета, в Сарапул по железной дороге 22 августа — 3 494 предмета, 28 августа туда же — 4 146 предметов и, наконец, в Ленинград 13 сентября на автомобильном и гужевом транспорте отправились 324 предмета¹⁹. Нужно отметить, что музейные ценности пятой очереди эвакуации, отправленные в Сарапул 28 августа, пришлось оставить в Ленинграде, поскольку утром 29 августа железнодорожная станция Мга, связывающая Ленинград со страной, была захвачена немецкими войсками.

¹⁵ О привлечении населения Ленинграда к трудовой повинности. См.: Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда... Ч. I. С. 31, 38, 45, 122–123, 134.

¹⁶ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. Р-551. Оп. 1. Д. 42. Л. 109.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 3. Д. 21. Л. 122, 201–202.

¹⁸ Там же. Оп. 36. Д. 61. Л. 37.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110. Л. 7.

Всего из Петергофа были вывезены и тем самым спасены от немецко-фашистских захватчиков 12 932 наиболее ценных музейных предмета, в том числе 8 632 экспоната (среди них 400 изделий из драгметаллов, 850 предметов живописи, 980 предметов графики, акварелей и рисунков, 720 архитектурных чертежей, 3 830 предметов фарфора, 358 гобеленов и ковров, 652 предмета из бронзы, 24 костюма, 50 предметов мебели), 1 800 книг и 1 500 фотографий²⁰, что составило в целом лишь 22 процента всех музейных ценностей.

В ходе эвакуации из Петергофских дворцов-музеев удалось полностью вывезти все экспонаты, выполненные из драгоценных металлов или отделанные драгметаллами, а также живопись дворцов Монплезира, Марли, Эрмитаж и Коттедж. Также удалось эвакуировать все мелкие предметы обихода, посуду и одежду, принадлежавшие императору Петру I и находившиеся во дворце Монплеzir и павильоне Эрмитаж. Были вывезены образцы всех гарнитуров мебели, находившейся в указанных павильонах и в Большом Петергофском дворце, коллекция женских портретов кисти П. Ротари, китайский шелк из Коронной комнаты, картины Дж. Райта, Г. Бухгольца, Ф. Гаккерта, а также резные панно работы Н. Пино (за исключением двух) из Дубового кабинета Большого дворца. Из дворца Коттедж эвакуировали весь хрусталь, фарфор, бронзу и все наиболее ценные ковры. Кроме того, эвакуировали свыше 60 процентов фонтанной скульптуры (51 фигура и 78 скульптур)²¹.

Но подавляющую часть музейных вещей эвакуировать не удалось, поэтому к моменту оставления Петергофа, к вечеру 22 сентября 1941 года, в Петергофских дворцах-музеях пришлось законсервировать, то есть укрыть в зданиях и в подвалах, 46 995 музейных предметов (по другим данным — 46 914²²), в том числе 34 214 экспонатов, 11 700 книг и 1 081 фотографию. На территории Нижнего парка и Верхнего сада Петергофа были тщательно укрыты в земле 63 мраморные и 20 бронзовых скульптур, 7 мраморных и 11 бронзовых скульптур оставлены на своих местах²³. Самой большой проблемой стала фонтанная скульптура «Самсон, раздирающий пасть льва», которую из-за больших габаритов и веса невозможно было демонтировать и вывезти в тыл, а укрыть в земле ее также не могли — не хватило ни времени, ни нужного оборудования, ни рабочих рук. Согласно объяснительной записке директора музея М. М. Ребанэ, статую завернули в брезент, закрыли щитами и закамуфлировали. Удалось снять

²⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110. Л. 3 об., 10.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 40. Л. 8.

²² Там же. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110. Л. 10.

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 253. Л. 248 об.; ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 40. Л. 5; Там же. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 110. Л. 8, 10.

с Большого каскада 18 бронзовых скульптур весом от полутонны до полутонна тонн²⁴, однако пришлось оставить на месте крупные фонтанные скульптуры «Нептун», «Волхов», «Нева», «Тритоны» и ряд других.

Вследствие быстрого приближения линии фронта петергофские музеи и парки были оставлены сотрудниками вечером 22 сентября 1941 года. О том, в каком состоянии находились дворцы, павильоны и парковые сооружения на момент оставления города, подробно говорится в специальном «Отчете о состоянии Петергофских дворцов-музеев и парков к 20 часам 22 сентября 1941 года». В частности, там указывалось, что в Большом Петергофском дворце «стены остались неповрежденными. Оконные и дверные проемы нижнего этажа зашиты 2'' досками и заанкерованы брусками, с тем чтобы тяжесть давления при ударе взрывной волны легла на стены. Проемы окон и балконных дверей II и III этажей зашиты не все (примерно 50–60). <...> Все музейные помещения II этажа и фондохранилища III этажа освобождены от обстановки, убранства и вещей, размещенных в кладовых нижнего этажа и подвалах или эвакуированных. Во всех помещениях (комнаты, кладовые, проходы, лестничные площадки) расставлены бочки, баки или ванны с водой, песок и инвентарь для тушения зажигательных бомб...»²⁵

На следующий день, 23 сентября, территории Верхнего сада, Нижнего парка и парка Александрия были захвачены после ожесточенного боя немецкой 1-й пехотной дивизией 38-го армейского корпуса группы армий «Север». В ходе боя загорелся Большой дворец, пожар в котором продолжался два дня. Линия фронта пролегла недалеко — по Фабричной канавке, Английскому парку и Троицкому ручью. Части советской 10-й стрелковой дивизии 8-й армии были вынуждены отступить в западную часть города — Старый Петергоф. Начался длительный, более чем двухлетний период вражеской оккупации Нового Петергофа.

В этот период жизнь Петергофских дворцов-музеев (а точнее, их музейных фондов) продолжилась в эвакуации. В Горьком (Нижний Новгород) музейные вещи из пригородных дворцов Ленинграда в течение нескольких месяцев хранились в городском Коммунальном музее, который располагался в здании Рождественской (Строгановской) церкви. Ответственным хранителем музейных фондов пригородных дворцов Ленинграда 12 июля 1941 года был назначен бывший заведующий Александровским дворцом-музеем в Пушкине А. М. Кучумов²⁶. Однако ввиду участвовавших немецких авиационных бомбежек Горького и быстрого приближения линии фронта

²⁴ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16215. Л. 2.

²⁵ Архив ГМЗ «Петергоф». КВД 485-ар. Л. 5–5 об.

²⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1728. Оп. 1. Д. 809052. Л. 3 об., 6 об., 8.

в ходе немецкой наступательной операции «Тайфун» под Москвой Горьковский городской комитет обороны (ГОКО) 30 октября 1941 года принял постановление № 10-с, согласно которому было решено отправить ценности музеев Ленинграда, Смоленска и Сум в Томск. Для этой цели управление Горьковской железной дороги выделяло 28 вагонов, а местный отдел искусств обеспечивал охрану груза в пути и последующую передачу республиканскому управлению по делам искусств на месте²⁷.

В соответствии с решением ГОКО 8 ноября 1941 года началась погрузка музейного имущества в вагоны, а 12 ноября музейные ценности в эшелоне из 50 вагонов отправились из Горького в Сибирь. Начальником эшелона был представитель Горьковского областного отдела искусств Л. М. Гельфонд, а его заместителем по политической части — Е. В. Буркина. После телеграфных переговоров с местными властями, 15 декабря музейный груз первоначально прибыл в Новосибирск, но город, забитый эвакуированными предприятиями и людьми из западных регионов страны, не смог его принять. Тогда эшелон был перенаправлен в Томск. Однако по прибытии в Томск выяснилось, что предназначенные для хранения музейных предметов здания (две полуразрушенные церкви) не подходят для этой цели. После телефонных переговоров с первым секретарем Новосибирского обкома ВКП(б) М. В. Кулагиним было решено отправить имущество обратно в Новосибирск. Наконец 22 декабря 1941 года музейный эшелон прибыл в Новосибирск²⁸.

В Новосибирске музейные ценности были размещены в только что построенном огромном здании Государственного театра оперы и балета. В театре, который предполагалось торжественно открыть 1 августа 1941 года, разместилось хранилище многих эвакуированных из европейской части СССР музеев, в том числе Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственного Этнографического музея, Артиллерийского исторического музея Красной армии, дворцов-музеев Петергофа, Пушкина и Павловска, музеев Новгорода, Смоленска, Севастополя, Твери и других. Из пригородных дворцов Ленинграда сюда прибыло 337 ящиков (120 —

²⁷ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-2518. Оп. 1. Д. 1. Л. 26; Д. 5. Л. 9.

²⁸ *Левенфиш Е. Г.* Из воспоминаний // Хранители. Материалы XI Царскосельской науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 418; *Склеенова В. И.* История Смоленского музея и его коллекций в период Второй мировой войны (по архивным документам) // Музей и война: судьба людей, коллекций, зданий. Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию Екатеринбургского музея изобразительных искусств и 75-летию эвакуации коллекций Государственного Эрмитажа на Урал (4–6 апреля 2016 г.). Екатеринбург: Екатеринбургский музей изобразительных иск-в, 2016. С. 217; *Волосенкова Н. Е.* Музейные реликвии Смоленска, опаленные войной // Сохраняя наследие: История эвакуации музейных ценностей в г. Новосибирск, 1941–1945 гг. Сб. статей. Красноярск, 2020. С. 148–149.

из Петергофских дворцов-музеев, 140 – из Екатерининского и Александровского дворцов Пушкина и 77 – из Павловского дворца-музея)²⁹.

Директором Музея-хранилища ленинградских дворцов-музеев в Новосибирске с 21 ноября 1941 года был А. М. Кучумов³⁰ (с мая 1944 года временно исполняющей обязанности директора стала Г. Д. Нетунахина³¹). Небольшая группа музейных сотрудников (всего пять человек: директор, ответственный хранитель, помощник хранителя и два научных сотрудника), эвакуированных вместе с музейными фондами в Новосибирск, занималась не только повседневной хранительской работой, но также вела научную работу, читала лекции в госпиталях и воинских частях и активно участвовала в организации выставок. В последнем квартале 1942 года в залах театра открылась выставка «Русское реалистическое искусство конца XVIII и XIX века», на которой были представлены живописные полотна из собрания Третьяковской галереи и ленинградских пригородных музеев. Всего ее посетили 103 590 человек. Кроме того, Штаб Сибирского военного округа организовал и открыл 23 февраля 1943 года выставку «Героическое прошлое русского народа», на которой посетители смогли увидеть уникальные военные атрибуты из коллекций Артиллерийского исторического музея, картины из Петергофа и Пушкина. Эту выставку посетили 27 500 человек. В 1943 году также готовилась большая выставка по декоративно-прикладному искусству, однако она не состоялась, так как Комитет по делам искусств при СНК СССР в последний момент запретил использовать материалы основных фондов за пределами хранилища³².

Согласно постановлению Совета народных комиссаров СССР № 1335 от 4 октября 1944 года было решено начать эвакуацию ценностей музеев Москвы и Московской области из Новосибирска, Молотова (Перми) и Сарапула. В соответствии с этим Государственная Третьяковская галерея, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Государственный музей нового западного искусства и другие московские музеи приступили к вывозу своих экспонатов обратно в Москву³³. Ещё до этого, 7 февраля 1944 года, здание Новосибирского театра оперы и балета было официально принято от строителей, и летом театр начал свою работу³⁴,

²⁹ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16313. Л. 12.

³⁰ Там же. НВК 14067. Л. 39–39 об.

³¹ *Плауде В. Ф.* «Сохранить национальное достояние...» // Город Пушкин. Дворцы и люди. Сборник научных статей / Под общ. ред. И. К. Ботт. СПб.: Русская коллекция. СПб., 2015. С. 59.

³² Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16313. Л. 10–10 об., 11; *Теркель Е. А.* Третьяковская галерея в годы Великой Отечественной войны // История Третьяковской галереи. XX век: 1941–1945. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2015. С. 22, 27–28.

³³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 235. Л. 88–90.

³⁴ *Голодяев К.* Забытый герой Победы. Кулагин Михаил Васильевич. URL: http://bsk.nios.ru/sites/bsk.nios.ru/files/books/zabytyy_geroy_pobedy_kulagin_mihail_vasilievich.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

и поскольку других подходящих зданий для хранения музейных ценностей в городе не было, перед Комитетом по делам искусств при СНК СССР встал вопрос о необходимости реэвакуации остального музейного имущества – из ленинградских дворцов-музеев. И 21 октября исполком Ленгорсовет принял решение о реэвакуации музейных ценностей пригородных дворцов из Новосибирска в Ленинград. В декабре началась обратная дорога ящиков с музейным имуществом Петергофа, Пушкина и Павловска из Сибири в Ленинград³⁵.

При реэвакуации музеев Комитет по делам искусств при СНК СССР выразил первому секретарю Новосибирского обкома партии М. В. Кулагину признательность за организацию хранения музейных ценностей в городе, отметив следующее: «Хранение коллекций Государственной Третьяковской галереи и других музеев в г. Новосибирске, благодаря Вашему вниманию и помощи, происходило в благоприятных условиях. Художественные произведения удалось сохранить в хорошем состоянии. Комитет по делам искусств при СНК СССР приносит Вам и обкому ВКП(б), в связи с этим, свою глубокую благодарность»³⁶.

Наиболее долгой оказалась история пребывания петергофских ценностей в областном центре Удмуртской АССР городе Сарапуле, где они надежно хранились более четырех лет в здании краеведческого музея. Осенью 1941 года он официально получил название Музея-хранилища ленинградских дворцов-музеев в городе Сарапуле. Временно исполняющим обязанности заведующего Музеем-хранилищем с августа 1941 года был помощник начальника УКППЛ В. П. Костин, затем с 1 апреля 1942 года эту должность занял бывший директор Музея истории и развития Ленинграда М. А. Легздайн, выписанный из госпиталя после тяжелого ранения, полученного на фронте³⁷. Штат Музея-хранилища составлял 24 человека, семь из них – научные сотрудники – ответственные хранители из разных дворцов-музеев³⁸.

В 1941 году в Сарапул прибыли 820 ящиков с коллекциями из дворцов-музеев Петергофа, Пушкина, Слуцка (Павловска), Красногвардейска (Гатчины), а также Музея истории и развития Ленинграда, Летнего дворца Петра I и Государственного антирелигиозного музея³⁹ – в общей сложности около 90 000 музейных предметов, среди которых были живописные полотна, ковры, гобелены, фарфор и мебель – подлинные шедевры культурного наследия.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1574. Л. 47–48, 50.

³⁶ *Голодяев К.* Забытый герой Победы. Кулагин Михаил Васильевич.

³⁷ ОМАК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 506. Л. 5 об., 10 об., 12 об., 19.

³⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 6. Д. 1095. Л. 7.

³⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

Впрочем, условия хранения в здании Сарапульского краеведческого музея, вообще не отапливаемом в первый год хранения, особенно зимой 1941–1942 годов, были далеко не идеальными, из-за чего ряд предметов оказался поражен плесенью. В целях обеспечения надлежащих условий хранения музейных предметов по поручению Комитета по делам искусств при СНК СССР в Музей-хранилище ленинградских дворцов-музеев в Сарапуле был направлен научный консультант — профессор Г. В. Жидков из Государственной Третьяковской галереи, проработавший в Музее-хранилище с 21 августа по 3 сентября 1942 года. При нем было распаковано несколько ящиков с различными группами вещей и произведена перекатка вала с картинами Гюбера Робера из Гатчинского дворца-музея. Также с сентября 1942 года постоянным консультантом музея стал эвакуированный в Казань профессор Технологического института В. Я. Курбатов, который прислал письменные рекомендации по вопросам хранения различных музейных ценностей⁴⁰. В Музее-хранилище регулярно проводились проверка наличия музейных предметов, распаковка и просушка тех вещей, чье состояние иногда вызывало у ленинградских музейщиков опасения.

Уже после окончания войны, 24 июля 1945 года, исполком Ленгорсовета принял решение о реэвакуации музейных предметов из Сарапула в Ленинград. Однако ввиду возникших дополнительных сложностей сроки вывоза музейного имущества из Сарапула пришлось продлить, поэтому 27 сентября исполком Ленгорсовета принял повторное решение о реэвакуации, и в декабре 1945 года музейные ценности были перевезены в Ленинград⁴¹.

Работе ленинградских музейных сотрудников, эвакуированных вместе с музейным имуществом в тыл страны, уделялось необходимое внимание со стороны высших органов власти. Решением Совета народных комиссаров СССР от 22 мая 1943 года за № 571 Музею-хранилищу с филиалами в Новосибирске и Сарапуле, как обладавшему одной из самых ценных в Советском Союзе художественных коллекций, было присвоено звание музея категории союзного значения, наряду с пятью самыми крупными музеями страны — Государственным Эрмитажем, Государственной Третьяковской галереей, Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственным музеем нового западного искусства и Государственным музеем восточных культур Москвы⁴². Были определены соответствующие оклады директорам, хранителям и сотрудникам музеев-хранилищ.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 68. Л. 6–7.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1667. Л. 40–42; ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 3. Л. 47, 71–72.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 214. Л. 287–291.

Наиболее опасным в период Великой Отечественной войны оказалось местопребывание музейных ценностей пригородных дворцов в Ленинграде – в здании Исаакиевского собора и на складе № 2 станции Московская-Товарная. Из имущества Петергофских дворцов-музеев в Исаакиевском соборе находились 4 388 музейных предметов (в 121 ящике), в кладовой № 15 склада № 2 товарной станции Московского вокзала – 93 предмета (в 36 ящиках), то есть всего 4 481 предмет⁴³ (по иным данным, в Ленинграде находилось 4 470 музейных предметов из Петергофа⁴⁴).

С целью улучшить управление городскими музеями распоряжениями Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета от 15 и 26 июля 1941 года на базе Музея истории и развития Ленинграда, Государственного антирелигиозного музея, дворцов Летнего сада и Сада МОПР (Михайловского) было создано Объединенное хозяйство музеев (ОХМ)⁴⁵. В дальнейшем сюда были перевезены эвакуированные в сентябре 1941 года музейные предметы из пригородных дворцов Ленинграда. В результате сотни ящиков с предметами из фондов пригородных дворцов-музеев Пушкина, Павловска, Петергофа, Гатчины и Ораниенбаума, Музея истории Ленинграда и Летнего дворца Петра I были перевезены и надежно укрыты в здании Исаакиевского собора.

В сентябре 1941 года эвакуированных сотрудников пригородных дворцов-музеев прикомандировали с сохранением зарплаты к УКППЛ⁴⁶. 25 октября 1941 года приказом Управления были утверждены штаты Объединенного хозяйства музеев УКППЛ, куда вошли 25 должностей, в том числе два старших научных сотрудника и один научный сотрудник⁴⁷. От Петергофских дворцов-музеев в группу работников ОХМ входили научные сотрудники А. П. Чубова (до июня 1942 года), С. А. Попова (до лета 1942 года) и М. А. Тихомирова (с марта 1943 года)⁴⁸.

Исаакиевский собор представлял собой самое прочное и надежное укрытие в городе для музейных вещей. Кроме того, это помещение оказалось единственным в системе УКППЛ, которое позволило разместить внутри научных сотрудников и обслуживающий персонал пригородных дворцов-музеев. Здание собора было подготовлено к зиме и до марта 1942 года частично отапливалось, там был свет, действовали канализа-

⁴³ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16398. Л. 16.

⁴⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-468. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–5 об.

⁴⁵ ОМАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 32 об. – 33 об., 36 об. – 37.

⁴⁶ Там же. Л. 46 об. – 47, 49–49 об., 52 об. – 53.

⁴⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-329. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

⁴⁸ ОМАК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 52 об.; Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16398. Л. 16; Там же. НВК 16689. Л. 7–10; Голованова А. В., Мудров Ю. В. Исаакиевский собор – символ города, не сломленный блокадой // Вестник «Зодчий. 21 век». 2020. № 1 (74). С. 18; Блокада Ленинграда. Эвакуация.

ция и водопровод. Благодаря проживанию в соборе – надежном и теплом укрытии – в трудные дни блокады и голода аппарат Управления и научные сотрудники сохранили себе жизнь. С мая 1942 года пять научных сотрудников пригородных дворцов-музеев, трое подсобных рабочих и 21 административно-руководящий работник остались в Ленинграде, а все другие сотрудники пригородных дворцов-музеев и аппарат Управления культурно-просветительными предприятиями Ленсовета были эвакуированы из Ленинграда в глубокий тыл⁴⁹.

Как и все жители блокадного Ленинграда, музейные сотрудники, располагавшиеся в здании Исаакиевского собора, постоянно голодали и мерзли, но продолжали выполнять свой долг по сохранению музейных фондов. Научные сотрудники Петергофских дворцов-музеев постоянно проверяли условия хранения ценностей на складе № 2 Московского вокзала, организовывали распаковку и просушку музейных вещей, осуществляли круглосуточное дежурство, проверяли наличие музейных вещей и учетную документацию, составляли паспорта ящиков с музейными предметами⁵⁰. Кроме того, они собирали и обрабатывали научные материалы для будущих реставрационных и восстановительных работ, вели научно-исследовательскую работу, делали доклады для своих коллег, читали лекции перед бойцами Красной армии и гражданским населением Ленинграда. Благодаря самоотверженному труду музейных сотрудников в период блокады удалось сохранить без потерь все вывезенные из музеев предметы.

14 января 1944 года началась наступательная операция войск Ленинградского фронта «Январский гром», имевшая своей целью полное снятие блокады Ленинграда. В результате успешно развивавшегося наступления вечером 19 января советские войска полностью освободили Петергоф, а 27 января с завершением Красносельско-Ропшинской операции была окончательно снята и блокада Ленинграда. Закончилась немецкая оккупация всех пригородных территорий, длившаяся почти два с половиной года и нанесящая огромный ущерб дворцам и паркам, а также музейным коллекциям. Теперь перед городскими властями Ленинграда встал вопрос о постепенном возвращении музейных ценностей из тыла.

Уже 12 февраля 1944 года директор Музея-хранилища ленинградских дворцов в Сарапуле М. А. Легздайн в письме начальнику Управления по делам искусств исполкома Ленгорсовета Б. И. Загурскому поставил вопрос о подготовке к возвращению в Ленинград в 1945 году эвакуированных в Сарапул и Новосибирск музейных фондов пригородных дворцов и организации для их хранения в Ленинграде постоянного хранилища

⁴⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 58. Л. 48–48 об.; Голованова А. В., Мудров Ю. В. Исаакиевский собор – символ города, не сломленный блокадой. С. 17–18.

⁵⁰ Научный архив ГМЗ «Павловск». НВК 16689. Л. 7–10.

дворцов-музеев объемом до 50 вагонов, согласно правилам научно-музейного хранения⁵¹. Для организации нового хранилища, по мнению Легздайна, можно было использовать Екатерининский или Александровский дворцы-музеи города Пушкина после их капитального ремонта. При хранилище необходимо было восстановить бывшие реставрационные мастерские УКППЛ⁵².

Как уже говорилось, 21 октября 1944 года исполком Ленгорсовета принял решение о реэвакуации музейных ценностей пригородных дворцов из Новосибирска в Ленинград⁵³. В конце ноября началась упаковка и погрузка предметов Новосибирского музея-хранилища ленинградских дворцов, а к концу декабря они вернулись в Ленинград. Здесь их временно разместили в Антирелигиозном музее в Исаакиевском соборе (фарфор, бронза, мрамор) и Музее истории и развития Ленинграда (живопись, ткани, мебель и графика)⁵⁴, а также во временном хранилище (фонда № 1), снятом в аренду до 1 декабря 1945 года (на Красной улице, д. 45), где были собраны все музейные ценности из других временных хранилищ (товарной станции Московского вокзала, Академии художеств, Дома занимательной науки, а также из Новосибирского хранилища), — всего 282 ящика⁵⁵. Реэвакуация музейных ценностей из Сарапульского музея-хранилища ленинградских дворцов происходила уже непосредственно в здание Александровского дворца в Пушкине, куда в 1945 году также перевезли ценности из Исаакиевского собора и Музея истории города. Итогом этой работы стало создание единого большого музейного хранилища, включавшего свыше 150 000 экспонатов⁵⁶.

С целью упорядоченного хранения вернувшихся музейных предметов пригородных дворцов-музеев Ленинграда приказом по Отделу культурно-просветительной работы Ленгорисполкома от 10 мая 1945 года было создано Центральное хранилище музейных фондов (ЦХМФ) в Александровском дворце города Пушкина, для чего следовало «принять от Дирекции музеев здание дворца и вспомогательные помещения, обеспечив проведение неотложных ремонтно-восстановительных работ». Директором ЦХМФ был назначен бывший директор Новосибирского музея-хранилища ленинградских дворцов А. М. Кучумов⁵⁷. Хранилище находилось в Пушкине с 1945 по 1951 год, а после передачи Александровского двор-

⁵¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.

⁵² Там же. Л. 71–71 об.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 18. Д. 1574. Л. 47.

⁵⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–1 об.

⁵⁶ *Плауде В. Ф.* «Сохранить национальное достояние...» С. 56.

⁵⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 9. Л. 17; ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 809052. Л. 12.

ца для нужд Военно-морского флота было перемещено в Павловск, в здание дворца. В дальнейшем музейные предметы, принадлежавшие Петергофским дворцам-музеям, вернулись из Павловска и заняли свое место в экспозициях открывшихся после войны музеев и павильонов.

Великая Отечественная война нанесла колоссальный урон архитектуре, внутреннему убранству и коллекциям Петергофских дворцов-музеев и парков. Несмотря на огромные масштабы потерь, можно сказать, что руководство музея и городские власти Ленинграда в начале войны предприняли все возможные меры по спасению музейных вещей Петергофа, учитывая крайне тяжелую обстановку того времени. Следует понимать, что ни дирекция музея, ни органы государственной власти Ленинграда не могли предугадать ход боевых действий на северо-западном направлении летом-осенью 1941 года и, соответственно, представить реальный масштаб создавшейся угрозы для дворцово-паркового ансамбля. Таким образом, Петергофские дворцы-музеи оказались заложником общей военно-стратегической ситуации, и изменить что-либо в их тяжелом положении в то время было просто невозможно. Относительно эвакуации музейных ценностей стоит отметить, что она была проведена очень оперативно и в сжатые сроки, что явилось огромной заслугой всего коллектива музейных сотрудников Петергофа. Последующие события, связанные с сохранением музейных ценностей в тылу, стали подлинно героической страницей в истории петергофских музеев.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО КОМПЛЕКСА В 1940-Х ГОДАХ. ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЦГАЛИ СПб

DOI: 10.48466/6757.2021.60.19.040

Е. С. Ребриева,
главный архивист ЦГАЛИ СПб

Документы о восстановлении Гатчинского дворцово-паркового комплекса в 1940-х годах имеются в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) в составе фондов организаций, прежде всего Гатчинского дворца-музея (ГДМ; Ф.309), а также органов управления учреждениями культуры, в ведении которых он был в 1940-х годах, в том числе в фонде Отдела культурно-просветительной работы Ленгорисполкома (Ф.277).

Следует особо отметить комплекс изобразительных документов по указанной теме, который сохранился в личном фонде архитектора-реставратора, художника Александра Лукича Ротача (1893–1990) – архивном фонде № 598¹. Наиболее значительной реставрационной работой в творческой биографии А. Л. Ротача стало восстановление здания Исаакиевского собора, которое велось под его руководством с 1950 по 1962 год.

А. Л. Ротач принимал участие в архитектурном исследовании Гатчинского дворца и сооружений парка в 1940-х годах; по сведениям из справок о его деятельности, работал над обмерами и проектом реставрации дворца². В Гатчине он начал работать в 1944 году, когда после возвращения в Ленинград из эвакуации был зачислен в Государственную инспекцию по охране памятников (ГИОП), в проектно-реставрационную мастерскую профессора Александра Петровича Удаленкова, где занимал должность его заместителя. О его назначении на эту долж-

¹ Документы личного фонда А. Л. Ротача о его работе в Гатчине в основном опубликованы в статье: Кирличникова М. В. Архитектор А. Л. Ротач в Гатчинском дворце // Хранитель памятников архитектуры. А. Л. Ротач (1893–1990). К 125-летию со дня рождения. СПб.: Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», 2019. С. 75–95.

² Краткое описание строительной деятельности архитектора А. Л. Ротача // ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 551. Л. 22 об.

ность свидетельствует удостоверение ГИОП за подписью Н. Н. Белехова от 18 января 1945 года³.

В восстановлении дворца и парка А. Л. Ротач участвовал в 1944–1945 годах, а затем после возвращения из Новгорода с 1947 по 1950 год. В Новгород А. Л. Ротач был направлен в мае 1945-го в должности старшего архитектора для работы в Специальной проектно-реставрационной мастерской Комитета по делам архитектуры при Совете министров СССР, организованной в марте того же года с целью восстановления сильно поврежденных памятников города.

Во время работы в Гатчине архитектор выполнил обмерные чертежи кровли дворца, а также сооружений парка: павильона Венеры и Горбатого моста.

Сохранились и его художественные работы, на одной из которых изображен Гатчинский дворец, пострадавший от пожара⁴. Произведение 1944 года передает красоту здания и в то же время фиксирует нанесенный ему ущерб.

Чтобы оценить сложность работ по восстановлению дворца и парковых построек, следует сказать о масштабах повреждений, ставших результатом военных действий и оккупации вражескими войсками.

После освобождения Гатчины Красной армией 26 января 1944 года в феврале – марте того же года был произведен осмотр и обмер памятников. Сведения о выявленных разрушениях были зафиксированы в акте об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками комплексу Гатчинского дворца-музея и парка, от 15 сентября 1944 года, копия которого сохранилась в документах дирекции дворца-музея. В нем говорится, что уже 15 августа и 9 сентября 1941 года была значительно повреждена кровля главного корпуса дворца, выбиты стекла окон и дверей. Здание также сильно пострадало от пожара, устроенного вражескими войсками при их отступлении в январе 1944 года: были утрачены все деревянные части конструкций и большая часть внутреннего декоративного убранства⁵.

Материалы фотофиксации повреждений дворца и восстановительных работ из личного фонда А. Л. Ротача также дают представление о состоянии разрушенного здания. Среди сохранившихся в его фонде фотографий есть и довоенные снимки, которые могли использоваться как изобразительные материалы при восстановлении интерьеров⁶.

Сведения о восстановлении Гатчинского дворцово-паркового ком-

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 548. Л. 84.

⁴ Там же. Д. 385. Л. 1.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 32. Л. 4–4 об.

⁶ Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 131. Л. 12–12 об., 21–21 об. и др.

плекса имеются в отчетах Гатчинского дворца-музея за 1944–1949 годы.

Согласно отчету за 1944 год, восстановительные работы были начаты в июне отчетного года, после назначения на должность директора дворца-музея Анатолия Николаевича Роткевича: 17 июня из Военно-строительного управления района поступила первая партия рабочих в количестве 13 человек, а 25 июня начала работать над консервацией лепных и мраморных украшений в центральной части дворца группа скульпторов и учеников ремесленного училища № 97.

Важнейшей задачей на тот момент было сохранение здания дворца от дальнейшего разрушения. В качестве «первоочередных работ, проведенных во дворце в 1944 г.», в отчете указаны: разбор завалов после пожара в сохранившихся помещениях, расчистка лестниц, уборка плац-парада перед дворцом, заделка кирпичом оконных и дверных проемов в нижнем этаже, сбор кровельного железа, его выправка и укладка (до трех тонн), сбор и сортировка оконной и дверной арматуры; была начата заготовка строительного материала для возведения кровли ([65] кубометров бревен) и др.⁸

Работу по технической консервации здания затрудняло отсутствие штата, транспорта, стройматериалов и оборудования. Несмотря на это, была проведена консервация уцелевшего внутреннего убранства центральной части дворца⁹.

В заключении А. П. Удаленкова о ходе консервации Гатчинского дворца от 27 июля 1944 года имеются сведения о том, что в день осмотра трудилось несколько бригад в соответствии с видами работ: скульпторов и лепщиков, по расчистке помещений от завалов после пожара, по раскрытию захороненных художественных ценностей, по временному закрытию кирпичом оконных и некоторых наружных входов дворца и др. Скульпторы и лепщики закрепляли на стенах уцелевшие фрагменты лепки и мрамора барельефов и после закрепления зашивали наиболее ценные элементы декора в футляры для предохранения от дальнейшего разрушения¹⁰. Мелкие детали орнаментов, некоторые образцы повторяющегося декора снимались со стен для последующей расчистки и реставрации, закреплялись на щитах и должны были храниться в качестве эталонов до окончательной отделки интерьеров. Работы, начатые 27 июня 1944 года, продолжались до конца сентября. По сведениям из отчета ГДМ, в результате была закреплена стенная лепка парадных комнат Павла I¹¹. Проведенная в 1946 году экспертиза состояния законсервированной в 1944 году стен-

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 35. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 1.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 34. Л. 4, 5.

¹¹ Там же. Л. 3; Д. 35. Л. 3 об.

ной лепки показала хорошую сохранность как фрагментов, закрепленных на месте, так и эталонов, перенесенных на щиты¹².

В отчете за 1944 года есть также сведения о том, что мастерской ГИОП под руководством архитектора А. Л. Ротача «были произведены обмеры помещений Главного корпуса и полуциркулей. Работы принимались комиссией от Гос. инспекции по охране памятников, во главе с проф. Удаленковым»¹³.

В личном фонде А. Л. Ротача сохранилась сделанная предположительно в 1944 году, во время обмера Греческой галереи, фотография бригады архитекторов ГИОП, в составе которой был и он сам (на лестнице), и А. П. Удаленков (в центре снимка)¹⁴.

А. Л. Ротач занимался и такой важной задачей, как восстановление кровли дворца. Вероятно, именно для этого он в 1944 году выполнил план чердачного этажа здания. В его документах также сохранился схематичный план кровли на кальке¹⁵.

К 30 марта 1945 года архитектор составил «Историческую справку по устройству крыши дворца в г. Гатчине», где приводятся сведения о материалах, которые использовались при возведении кровли и ее переделках, ремонтах в XVIII–XIX веках¹⁶.

Согласно отчетам дирекции ГДМ и пояснительным запискам к ним, в 1945 году были изготовлены рабочие чертежи крыши дворца, начаты работы по возведению кровли над Греческой галереей, поставлены леса, подготовлены места для кладки балок.¹⁷ В отчете ГДМ за 1946 год говорится о возведении кровли сначала над Греческой галереей, в конце года над Чесменской и Оружейной галереями в рамках работ по технической консервации дворца¹⁸.

А. Л. Ротач продолжал участвовать в этих работах в 1947 году: он упоминается в письме дирекции ГДМ в ГИОП от 1 октября 1947 года об устройстве крыши над Чесменской и Оружейной галереями, где указано, что установка стропил и обрешетки по ним завершена и начато покрытие кровли железом. Далее в письме говорится: «Над имеющейся в этой же части кровли винтовой лестницей т. Васильев и т. Ротач предложили сделать в крыше фонарь» (Васильев – районный архитектор ГИОП)¹⁹.

¹² Пояснительная записка к отчету дирекции ГДМ за 1946 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 51. Л. 31.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 35. Л. 3 об. – 4.

¹⁴ Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 132. Л. 10–10 об.

¹⁵ Там же. Л. 24, 38.

¹⁶ Там же. Л. 1–9.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 39. Л. 28.

¹⁸ Там же. Д. 51. Л. 33.

¹⁹ Там же. Д. 59. Л. 42. Васильев значится в тексте письма как районный архитектор ГИОП.

По данным на 1948 год, кровля над Греческой, Чесменской и Оружейной галереями была сделана, что позволило сохранить эти помещения от дальнейшего разрушения²⁰. Согласно справке о состоянии Гатчинского дворца-музея и парка на январь 1951 года, кровля, возведенная в 1940-е годы, составляла около 10 процентов общей площади крыши дворца; работы по главному корпусу, Арсенальному каре и двум третям Кухонного каре оставались делом будущего. Полное восстановление кровли здания стало сложной задачей в условиях недостаточного финансирования²¹.

Следует отметить, что в 1940-х годах не только принимались меры по консервации построек дворцово-паркового комплекса, но и проводилась научно-исследовательская работа для последующей их реставрации. Для этих целей необходимы были исторические изобразительные материалы, архитектурная графика. Серафима Николаевна Балаева, в то время занимавшая должность старшего научного сотрудника дирекции Гатчинского дворца-музея и парка, в докладной записке на имя директора А. Н. Роткевича от 12 апреля 1945 года сообщала о необходимости передачи в Гатчину Кушелевского альбома, по-видимому, из архитектурного архива ГДМ, реэвакуированного из Сарапула и находившегося, как указано в тексте документа, «в хранилище в Ленинграде на Красной улице» (ныне Галерная ул., предположительно в здании Музея истории и развития Ленинграда)²². Этот альбом, как и другие материалы (акварели Гау, Премацци, Мейера, негативы с видами дворца и парка), был необходим для подготовки к технической консервации дворца и к реставрации павильона Венеры, запланированным в 1946 году.

А. Н. Роткевич просил разрешить выдачу необходимых материалов в резолюции на имя А. М. Кучумова, который в 1944–1945 годах руководил отделом музеев и памятников Управления по делам искусств Ленгорисполкома и на тот момент занимал должность директора и главного хранителя Ленинградского музея-хранилища пригородных дворцов²³. Согласно отчету дирекции ГДМ, прием архитектурного архива из Центрального хранилища музейных фондов пригородных дворцов-музеев был завершен в 1947 году²⁴.

В 1946 году проводились исследование декоративного убранства

²⁰ Пояснительная записка и сметно-финансовые расчеты по восстановлению Гатчинского дворца и парка в период 1948–1955 гг. 1948 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 69. Л. 6.

²¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 95. Л. 3; Там же. Ф. 277. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 83. Л. 18.

²³ Личный листок А. М. Кучумова. 20 июня 1978 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 468. Оп. 1. Д. 248. Л. 17 об.; Кучумов: к 100-летию со дня рождения: сборник докладов научной конференции «Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций» / Под общ. ред. А. Н. Гузанова. СПб.; Павловск: ГМЗ «Павловск», 2012. С. 10.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 61. Л. 8.

Белого зала дворца, Чесменской галереи, фиксация состояния фасадов и внутреннего декора павильона Венеры: сотрудники дирекции Гатчинского дворца-музея собирали текстовые и изобразительные материалы для их восстановления, составляли по ним карточки. Также производились обмеры интерьеров дворца, выполнение которых было поручено мастерской А. П. Удаленкова, и фотофиксация²⁵.

Вернемся к деятельности А. Л. Ротача. В 1947 году, после возвращения из Новгорода в Ленинград, он был зачислен в Архитектурно-реставрационные мастерские Управления по делам архитектуры Ленгорисполкома, впоследствии преобразованные в Специальные научно-реставрационные производственные мастерские (СНРПМ), в должности старшего научного сотрудника – автора-реставратора, в 1948-м был переведен в старшие архитекторы.

В 1947 году он возобновил работу в Гатчине, о чем свидетельствуют рисунки из его личного фонда с изображениями Гатчинского дворца, по-видимому, ранее не публиковавшиеся, один из которых датирован указанным годом²⁶.

На одном из рисунков, выполненных карандашом на кальке, представлен фрагмент южного фасада Центрального корпуса дворца – возможно, переход к Кухонному каре. На нем показаны следы разрушений, пустые оконные и дверные проемы здания. В правом нижнем углу указан год: 1947.

Второй рисунок подобен первому по сюжету, стилю, материалам и технике исполнения, поэтому представляется возможным также датировать его 1947 годом. На нем изображен интерьер первого этажа дворца. Примечательной деталью этой работы является изящно декорированный фонарь.

Другие материалы архитектурных исследований А. Л. Ротача связаны с парковыми сооружениями, в том числе с павильоном Венеры. Пробразом этой деревянной постройки, возведенной по проекту В. Бренны в 1792–1793 годах, считается аналогичный павильон в резиденции принца Конде в Шантийи²⁷.

В экспертном заключении о стоимости восстановления парковых сооружений Гатчинского дворцового парка – приложении № 3 к вышеупомянутому акту 1944 года об ущербе значатся следующие данные о повреждениях павильона Венеры: крыша была разрушена на 5 процентов, полы

²⁵ Отчет о работе дирекции ГДМ за 1946 г. и пояснительная записка к отчету // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 51. Л. 1, 2, 30.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 140. Л. 13–14.

²⁷ Шуйский В. К. Винченцо Бренна. Л.: Лениздат, 1986. С. 88; Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Гатчина: Художественные памятники. Л.: Лениздат, 1990. С. 114.

на 100, окна на 65, двери на 30 процентов. «Наружная отделка на [15 %]. Внутренняя отделка на [20 %]. Крыша и наружная отделка повреждены осколками от артиллерийского обстрела. Окна, двери, полы и внутренняя отделка – от варварской эксплуатации»²⁸.

В 1945–1946 годах были приняты меры по ликвидации аварийного состояния памятника: в 1945-м начат ремонт крыши и фасада, сделаны и зашиты фанерой переплеты окон, дверей²⁹; в 1946-м произведен полный восстановительный ремонт железной кровли, водосточных труб и козырьков, восстановлена разрушенная колонна у входа³⁰.

Актом технического состояния постройки от 30 ноября 1946 года, составленным сотрудниками ГИОП при участии представителей ГДМ для установления объема ремонтно-реставрационных работ на 1947 год, были зафиксированы мелкие осколочные повреждения деревянной обшивки стен и колонн, ветхое состояние спуска к озеру, который требовал частичной смены настила и общего ремонта. Также были отмечены повреждения внутренней отделки: паркет в состоянии полной ветхости, с большим количеством утраченных мест; живопись плафона также в неудовлетворительном состоянии³¹.

Научная подготовка здания к реставрации была осуществлена в 1947 году по плану архитектора Льва Калистратовича Абрамова, с 1947 года сотрудника научной части ГДМ³². Под его руководством силами Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ) были выполнены обмеры, зарисовки, реставрационные чертежи, фотофиксация павильона³³. Сведения об этом есть в отчете дирекции ГДМ, а также в статье Л. К. Абрамова «Научная подготовка к реставрации „Павильона Венеры“ в Гатчине», опубликованной в бюллетене научной части ГДМ за 1947 год³⁴. Бюллетени научной части дворца-музея не выходили в годы войны, упомянутый выпуск стал первым после возобновления издания. Бюллетени за 1947, 1948, 1950 годы хранятся в ЦГАЛИ СПб в фонде Отдела культурно-просветительной работы Ленгорисполкома (Ф. 277)³⁵.

На фотографиях 1944 года из иллюстраций к статье Л. К. Абрамова

²⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 32. Л. 18 об.

²⁹ Отчет о работе ГДМ за 1945 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 39. Л. 29.

³⁰ Акт технического состояния здания павильона Венеры. 30 ноября 1947 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 59. Л. 5.

³¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 59. Л. 4–4 об.

³² Объяснительная записка к отчету дирекции ГДМ за 1947 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 61. Л. 21.

³³ Там же.

³⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 2. Д. 12. Л. 16–23.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 661, 662, 1178.

представлены фрагмент панно стены главного фасада павильона Венеры со следами повреждений и разрушенный паркет³⁶.

Паркет первоначально являлся частью пола Белого зала Гатчинского дворца, выполненного по рисункам Антонио Ринальди; он был перенесен в павильон Венеры в 1887 году. На чертеже А. Л. Ротача — кальке 1945 года — представлена композиция пола Белого зала дворца с обозначением его части, перенесенной в павильон³⁷.

В 1948 году А. Л. Ротач выполнил обмеры фасада павильона Венеры, разрез стены, обращенной в сторону Белого озера, план фундамента³⁸.

По-видимому, он выполнял эти работы как сотрудник Архитектурно-реставрационных мастерских Управления по делам архитектуры Ленгорисполкома, с которыми дирекция ГДМ срочно заключила договор на подготовку проектов восстановления павильона и Горбатого моста в связи с получением финансирования в конце 1948 года³⁹.

Среди материалов по восстановлению парковых построек представляют интерес документы о Горбатом мосте. Исследователи называют его одним из выдающихся произведений архитектуры пригородных ансамблей Петербурга, в частности, одним «из лучших по конструктивным и художественным качествам парковых мостов стиля высокого классицизма»⁴⁰. Построенный в 1800–1801 годах по проекту А. Д. Захарова, он заслуживает внимания и с точки зрения конструкции, и как композиционный элемент планировки парка⁴¹. Мост, соединяющий две части Длинного острова, был задуман как место отдыха — с трех его террас-площадок с каменными скамьями, расположенных на разных уровнях, открываются прекрасные виды на парк.

К счастью, Горбатый мост сохранился, не был взорван, как ряд других мостов, однако все же был частично разрушен.

В экспертном заключении о стоимости восстановления инженерных сооружений Гатчинского дворцового парка, составленном в 1944 году, содержится следующая информация о повреждениях Горбатого моста: «Горбатый мост разрушен в части облицовки на 30 %, балюстрада на 85 %, скамьи большие на 88 %, скамьи малые на 50 %. Облицовка повреждена осколками снарядов. Балюстрада сброшена частично в воду, скамьи раз-

³⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 2. Д. 12. Л. 18, 21.

³⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 132. Л. 34.

³⁸ Там же. Л. 26, 28, 32.

³⁹ Пояснительная записка к техническому отчету ГДМ по капитальному строительству за 1948 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 78. Л. 4.

⁴⁰ Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Гатчина: Художественные памятники. С. 134.

⁴¹ Шуйский В. К. Андреев Захаров. Л.: Лениздат, 1989. С. 70–71.

биты». Там же говорится о шахтах в устоях моста, сделанных немецко-фашистским захватчиками для его подготовки к взрыву⁴².

Восстановление Горбатого моста было предусмотрено сметой расходов на реставрацию архитектурных сооружений парка 1948 года; необходимые работы включали восстановление фундамента, размывтого водой, реставрацию кладки береговых устоев и свода арки, каменной облицовки, плитного настила, балюстрады, ступеней лестниц и т. д.⁴³

Детальный обмер моста проводился в 1948–[1949] годах научно-исследовательским сектором ЛИСИ под руководством старшего научного сотрудника Л. К. Абрамова⁴⁴. Две перспективы, сделанные в ходе этих работ, есть среди иллюстраций к статье Л. К. Абрамова «„Горбатый“ мост в Гатчинском парке (историческая справка)», опубликованной в бюллетене научной части Гатчинского дворца-музея и парка за 1950 год (№ 15).

А. Л. Ротач также выполнил обмерные чертежи Горбатого моста в 1948–1949 годах. На них показаны конструктивные особенности этого сооружения. Обмер балюсины, предположительно балюстрады Горбатого моста, датирован 1945 годом⁴⁵. На одном из чертежей представлен вид моста сверху, обозначены три площадки – видовые террасы: две на устоях и центральная – над сводом арки⁴⁶. На поперечном разрезе показаны ступени лестницы, а также малые скамьи, располагающиеся на центральной площадке, которые также представлены отдельно на чертеже 1948 года⁴⁷.

На обмере фасада моста 1949 года можно увидеть его характерный силуэт с мощными устоями, арочным пролетом и полуциркульными нишами⁴⁸. На другом чертеже того же года представлена балюстрада берегового устоя с ограничивающей ее массивной тумбой⁴⁹.

В дневнике С. Н. Балаевой имеется запись от 24 ноября 1948 года о том, что в ГИОП Всеволод Иванович Яковлев, архитектор-художник ГДМ в 1944–1945 годах, дал отзыв на обмерные чертежи павильона Венеры и Горбатого моста об их пригодности к производству работ⁵⁰. Чертежи также были приняты руководителем Архитектурно-реставрационных ма-

⁴² ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 32. Л. 21.

⁴³ Там же. Д. 70. Л. 3–4; Там же. Д. 71. Л. 40–42.

⁴⁴ Пояснительная записка к годовому отчету ГДМ за 1949 г. по музейному сектору // ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 2. Д. 93. Л. 3, 5; *Абрамов Л. К.* «Горбатый» мост в Гатчинском парке (историческая справка). Опубликовано в бюллетене научной части Гатчинского дворца-музея и парка за 1950 г., № 15. См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1178. Л. 286 – 30.

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 132. Л. 27.

⁴⁶ Там же. Л. 35.

⁴⁷ Там же. Л. 29, 36.

⁴⁸ Там же. Л. 37.

⁴⁹ Там же. Л. 33.

⁵⁰ *Балаева С. Н.* Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб.: Искусство России, 2005. С. 296–297.

стерских Управления по делам архитектуры Ленгорисполкома Леонидом Михайловичем Аноликом. Возможно, речь идет о некоторых из чертежей А. Л. Ротача, представленных в данной статье, так как он упоминается в этой записи: «У Анолика с Ротачем и Смолевым о приемке мастерскими работ. Все три работы (Пав<ильон> Венеры, Горб<атый> мост и павильон-читальня) Анолик принимает»⁵¹.

Работы по консервации и архитектурному исследованию Гатчинского дворцово-паркового комплекса, предпринятые в 1940-е годы, в трудных условиях военного времени и послевоенных лет, сделали возможной реставрацию его памятников, осуществленную несколько десятилетий спустя.

Документы двух архивных фондов ЦГАЛИ СПб, упомянутых в этом обзоре, оцифрованы: фонд А. Л. Ротача (Ф.598) переведен в электронный вид полностью, а фонд Гатчинского дворца-музея и парка (Ф.309) – в значительной мере, что упрощает работу исследователей с указанными документами.

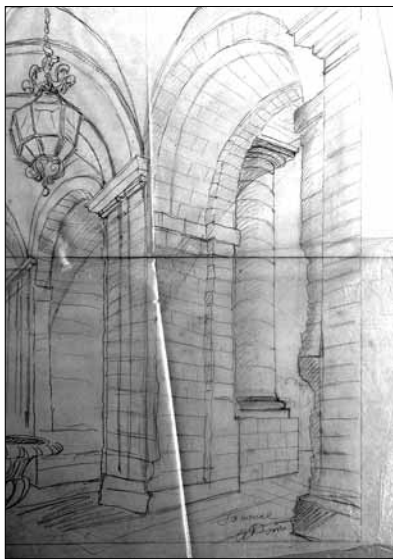
⁵¹ Цит. по: *Балаева С. Н.* Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. С. 297.

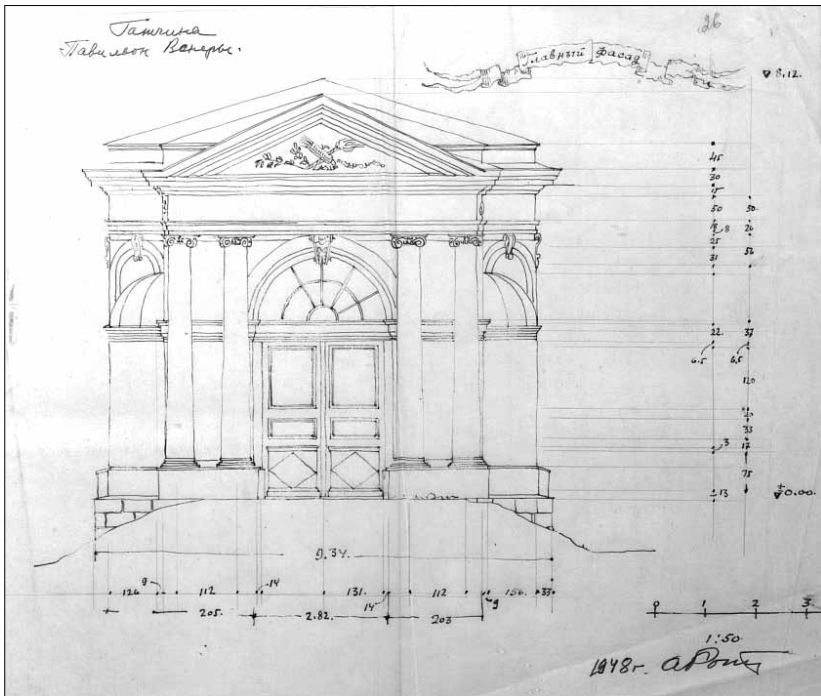
Обмер Греческой галереи в Гатчинском дворце бригадой архитекторов Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда (ГИОП). В центре — А. П. Удаленков, на лестнице — А. Л. Ротач. [Не ранее 1944]. Фото. ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 132. Л. 10

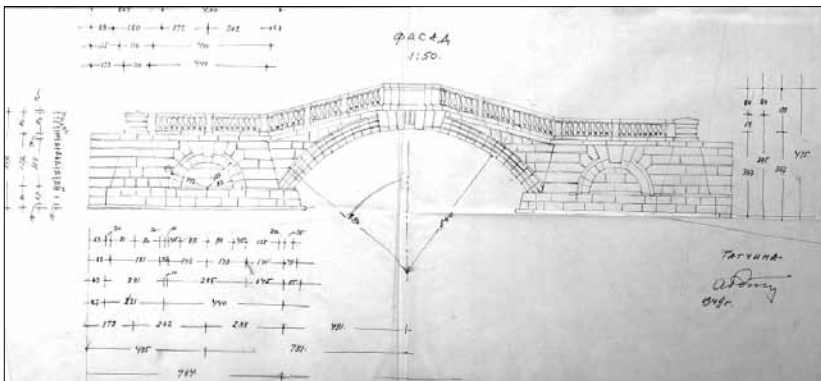
А. Л. Ротач. Гатчина. [Фрагмент южного фасада центрального корпуса Гатчинского дворца]. 1947. Калька, карандаш. ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 140. Л. 13. Публикуется впервые

А. Л. Ротач. Гатчина. [Интерьер помещения первого этажа Гатчинского дворца. 1947]. Калька, карандаш. ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 140. Л. 14. Публикуется впервые

А. Л. Ротач. Павильон Венеры. Главный фасад. 1948. Обмерный чертеж. Калька, карандаш, чернила. ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 132. Л. 26

А. Л. Ротач. Гатчина. [Горбатый мост]. Фасад. 1949. Обмерный чертеж. Калька, чернила. ЦГАЛИ СПб. Ф. 598. Оп. 1. Д. 132. Л. 37

Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны

DOI: 10.48466/5952.2021.98.74.001

Е. И. Юркевич,
старший научный сотрудник
ВИМАИВиВС,
кандидат исторических наук

Блокада Ленинграда оставила заметный и тяжелый след в истории Артиллерийского исторического музея (АИМ), расположенного в кронверке Петропавловской крепости.

2 июля 1941 года музей был закрыт для посетителей, началась упаковка музейного имущества, предназначенного для эвакуации в Новосибирск. 6 и 16 июля два эшелона (37 и 48 вагонов и платформ) были отправлены из Ленинграда в тыл. Третий эшелон не успел уйти, так как Октябрьская железная дорога к концу августа оказалась перерезана немцами. Всего было вывезено приблизительно три четверти музейных предметов¹. Таким образом, значительная часть музейных предметов и большинство сотрудников музея во главе с его начальником полковником Яном Францевичем Куске (фото 1) оказались в эвакуации в Новосибирске, а приблизительно четверть предметов и 21 сотрудник во главе с заместителем начальника музея военинженером 1-го ранга Петром Дмитриевичем Львовским (фото 2) остались в Ленинграде. Ленинградская команда АИМ начала свою работу с 16 июля 1941 года².

Уже в первые дни войны 13 человек были мобилизованы в Красную армию, трое ушли в народное ополчение. В июле 1941 года 98 сотрудников музея были уволены в связи с сокращением штатов³.

В Новосибирске выяснилось, что имущество музея принимать просто не готовы – предназначенное для него помещение было отдано в распоряжение военных, а нового не выделили. И архивные документы, книги,

¹ Крылов В. М. Взгляд сквозь столетия // Артиллерийский музей: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Серия: Петровские музеи северной столицы. СПб., 2001. С. 317; Рябухин И. В. В блокадные дни // Бомбардир. 2000. № 9. С. 39; Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Бомбардир. 2004. № 16. С. 84.

² Кантор Ю. Э. Невидимый фронт: Музеи России в 1941–1945 гг. М., 2017. С. 105.

³ Новиченко С. Л. Артиллерийский исторический музей и ленинградская команда в годы войны // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. X. СПб., 2015. С. 155–156, 161.

гравюры и рисунки, мундиры и знамена пришлось размещать в сараях военного склада № 727 под Новосибирском, которые совершенно не были приспособлены для хранения подобных предметов. Сотрудники музея начали борьбу за размещение ящиков со своими предметами в здании Новосибирского оперного театра, но натолкнулись на резкое противодействие командующего Сибирским военным округом генерал-лейтенанта Н. В. Медведева, крайне отрицательно относившегося к музею, считавшего, что он в настоящий момент не представляет ни малейшей ценности, для его охраны достаточно оставить одного старика, а всех остальных военнослужащих музея необходимо разогнать по воинским частям. Результатом такого отношения генерала Медведева к музейным предметам стало то, что многие картины серьезно пострадали, а некоторые предметы просто погибли от сырости и холода⁴.

Серьезное противостояние Я. Ф. Куске и Н. В. Медведева привело к тому, что в конце сентября 1941 года Ян Францевич был освобожден от должности начальника АИМ. Правда, вскоре в Москве разобрались в ситуации, и 14 октября Куске вновь назначили начальником музея.

Вскоре Куске получил распоряжение освободить территорию склада в связи с тем, что там запланировано размещение военного завода. В ответ на обращение с просьбой выделить для имущества музея новые помещения к члену Военного совета СибВО он получил от него совет найти близ железной дороги поляну, на которую выгрузить имущество музея, для личного состава музея вырыть землянки, а затем силами все того же личного состава соорудить над музейными ящиками навесы... Нужно отметить, что генерал-лейтенант Н. В. Медведев и его ближайшие подчиненные доставляли неприятности музею регулярно и по разным поводам. Но выручали партийные работники Новосибирска, работники горвоенкомата, начальник артиллерии округа и его подчиненные, сотрудники Томской железной дороги. В итоге подходящие помещения (в том числе в Новосибирском оперном театре) были найдены, правда, имущество музея оказалось расположенным в трех местах, но все-таки, за исключением крупных артиллерийских систем, отправленных на станцию Инская в 40 километрах от Новосибирска, не под открытым небом, а в отапливаемых помещениях. С огромным трудом удалось выбить для музейных предметов новую тару и укупорочный материал⁵.

Но помимо борьбы за сохранность музейных фондов сотрудники АИМ выполняли еще одну важную задачу – сбор трофеев и реликвий Великой Отечественной войны. Так, уже весной 1942 года представители музея побывали на Калининском фронте, отобрав образцы вооружения

⁴ Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 85.

⁵ Там же. С. 86–87.

и обмундирования немецких войск (выше 400 предметов)⁶. Продолжались поездки на фронт и позже. А в ноябре 1942-го новосибирская группа подготовила выставку трофеев Отечественной войны, которая разместилась в новосибирском Доме Красной армии, а с 25 ноября 1942 года по 15 июля 1943 года аналогичная выставка (в сокращенном по сравнению с новосибирским ДКА варианте) работала в железнодорожном вагоне и по договоренности с Томской железной дорогой совершила три рейса, обслужив более 35 тысяч бойцов и командиров Красной армии⁷.

В 1943 году в Новосибирске сотрудники АИМ подготовили две выставки: «Трофеи Отечественной войны» в помещении Новосибирского оперного театра (22–24 февраля) и «Героическое прошлое русского народа» в Доме Красной армии (23 февраля – 15 июля). В 1944 году в Новосибирске прошли еще две выставки трофеев: в помещении театра «Красный факел» (23 апреля – 25 мая) и в саду им. Сталина (июль). 19 ноября того же года на центральной площади Новосибирска открылась выставка старинных орудий из коллекции музея. Кроме того, выставка трофеев была организована при красноярском Доме Красной армии (июль 1944 – февраль 1945 года). Ее посетило 60 тысяч человек⁸.

Музейщики новосибирской команды в это же время налаживают связи с художниками студии им. М. Б. Грекова В. Н. Яковлевым, Ю. Н. Трузе, П. М. Шухминым, П. П. Соколовым-Скаля, В. Е. Памфиловым, работы которых пополнили живописную коллекцию музея⁹.

Выдающимся научным подвигом сотрудников музея в годы войны стало завершение второго издания «Исторического описания одежды и вооружения российских войск». В конце XIX – начале XX века были переизданы первые 19 томов этого труда (из 30), к остальным 11 томам к 1914 году были полностью напечатаны литографии. В 1937 году все эти материалы с дополнениями, позволяющими проследить историю русской военной формы до 1917 года, поступили в Артиллерийский исторический музей. Еще в 1940 году было принято решение завершить издание «Исторического описания», продолжив его до 1881 года. Весной 1941-го все было готово для начала издания, объявлена подписка на него, но грянула война...

⁶ Новиченко С. Л. Артиллерийский исторический музей Красной армии в годы Великой Отечественной войны // Сохранность культурного наследия: Наука и практика. Вып. одиннадцатый: Консервация, реставрация и экспонирование памятников военной истории: Материалы секции «Сохранение, реставрация и экспонирование памятников военной истории» Шестой международной научно-практической конференции «Война и оружие: Новые исследования и материалы», 13–15 мая 2015 года, Санкт-Петербург. СПб., 2015. С. 15.

⁷ Там же. С. 17–18; Крылов В. М. Взгляд сквозь столетия. С. 317.

⁸ Новиченко С. Л. Артиллерийский исторический музей Красной армии в годы Великой Отечественной войны. С. 18–19.

⁹ Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 87.

В начале 1943 года, уже с подачи Технического комитета Главного интендантского управления Красной армии, было принято решение об издании «Исторического описания» с дополнениями, включавшими изменения в форме одежды русской и Красной армии с 1882 по 1932 год, в Новосибирске. И в конце 1943 года из печати вышел 20-й том труда, а в 1944-м – тома с 21-го по 27-й. В конце 1944 – начале 1945 года вышли из печати 28-й и 29-й тома. Затем в связи с подготовкой музея к эвакуации работа была прервана. Тома с 30-го по 34-й вышли уже в Ленинграде в 1946–1948 годах. Это издание завершилось 1881 годом. Подготовкой «Исторического описания» к публикации занимались сотрудники АИМ подполковник Т. И. Воробьев и инженер-полковник П. Д. Львовский. И пусть полностью план издания выполнить не удалось, работа над выпуском томов этого уникального труда в условиях войны и эвакуации является выдающимся примером самоотверженной работы ленинградских военных музейщиков¹⁰.

Как новосибирская, так и ленинградская команды в 1943 году создали очень нужные «кабинеты» по ознакомлению бойцов и командиров РККА с трофейным немецким оружием¹¹.

27 марта 1943 года по предложению АИМ был издан приказ Наркома обороны № 143 «О сборе памятников и реликвий Отечественной войны при Артиллерийском историческом музее», ставивший конкретные задачи командованию частей и соединений по сбору, учету, хранению и документированию реликвийных памятников войны, упорядочивший процесс их сбора и хранения. Сбор фронтовых реликвий проходил непрерывно с 1943 по 1947 год¹².

А 25 февраля 1943 года АИМ выступает с инициативой установления праздника День артиллерии, который отмечается с 19 ноября 1944 года и поныне¹³.

Работа ленинградской команды АИМ – отдельная героическая страница истории музея. Так, в августе – сентябре 1941 года в войска Северного (впоследствии Ленинградского) фронта из оставшейся в Ленинграде части коллекции АИМ были переданы 61 артиллерий-

¹⁰ Успенская С. В., Маковская Л. К. Архивные документы по истории военного костюма в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи // Бранденбургские чтения. Вып. 3: Научное наследие А. В. Висковатова. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 18–20; Никитин А. Л. К истории создания «Исторического описания одежды и вооружения российских войск»: Историко-библиографический очерк // Бранденбургские чтения. Вып. 3: Научное наследие А. В. Висковатова. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 35.

¹¹ Крылов В. М. Взгляд сквозь столетия. С. 317.

¹² Там же; Новиченко С. Л. Коллекция Артиллерийского исторического музея Красной армии и Музей обороны Ленинграда // Музей Ленинградской Победы / Под ред. Ю. Л. Буяновой. СПб.: ГММОБЛ, 2019. С. 154.

¹³ Маковская Л. К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 87.

ское орудие, 302 образца стрелкового оружия, более 4700 патронов¹⁴.

15 августа 1941 года был утвержден тематико-экспозиционный план выставки «Трофеи Великой Отечественной войны», сотрудники ленинградской команды, несмотря на трудности, достаточно быстро сумели ее подготовить и открыть. Выставка, помимо событий на Северном фронте, рассказывала о том, как били немецких захватчиков в прошлом, о гибели в России армии Наполеона. Но основное место на выставке было уделено, конечно, трофеям, захваченным в ходе боев под Ленинградом. Выставка пользовалась огромной популярностью у ленинградцев и бойцов и командиров Ленинградского фронта¹⁵.

Большую часть помещений кронверка занял с началом войны танкоремонтный завод. Как военный объект, здание музея неоднократно подвергалось ударам вражеской авиации и артиллерии¹⁶, его гранитная цокольная облицовка и дверь в научную библиотеку до сих пор хранят следы осколков немецких бомб.

У ленинградской команды музея, помимо забот об охране оставшихся экспонатов и здания, возникало немало и других проблем. Так, например, с 9 сентября 1941 года финансирование ленинградской команды было полностью прекращено, ведь официально все сотрудники музея находились в Новосибирске. Все ходатайства П. Д. Львовского в Главное артиллерийское управление (ГАУ) с просьбой выделить ленинградцам хотя бы часть полагающихся музею денежных средств остались без ответа. В итоге в декабре 1941 года сотрудники ленинградской команды получили зарплату за декабрь только в размере 10 процентов от оклада¹⁷. Фактически этого едва хватало на оплату выдаваемых по карточкам продуктов... Тяжелейшая финансовая ситуация вынудила уволить в 1942 году нескольких оставшихся в Ленинграде сотрудников. Впрочем, в том же году, в самое тяжелое время блокады, несколько новых сотрудников были приняты на работу в музей¹⁸.

Не удалось добиться П. Д. Львовскому и рабочих карточек хотя бы для сотрудников пожарно-сторожевой службы музея. Все так и продолжали получать иждивенческие¹⁹.

С декабря 1941 года начали умирать от голода сотрудники музея. Потери ленинградской команды АИМ за период блокады составили 12 человек²⁰.

¹⁴ *Маковская Л. К.* Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 88.

¹⁵ *Рябухин И. В.* В блокадные дни. С. 40–41.

¹⁶ Там же. С. 41.

¹⁷ *Маковская Л. К.* Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 89.

¹⁸ *Новиченко С. Л.* Артиллерийский исторический музей и ленинградская команда в годы войны. С. 169–172.

¹⁹ *Маковская Л. К.* Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 89.

²⁰ *Новиченко С. Л.* Артиллерийский исторический музей и ленинградская команда в годы войны. С. 162–167.

Согласно донесению П. Д. Львовского начальнику музея, на 1 марта 1942 года среди сотрудников ленинградской команды:

«Умерло — 10;

Уволено — 4;

Больных — 3;

Налицо — 5 (из них нетрудоспособных — 4)»²¹.

Как доносил 4 апреля 1942 года Я. Ф. Куске прибывший в Ленинград один из его заместителей, интендант 2 ранга П. И. Воробьев, «обнаружил одного тов. Кулика трудоспособного, остальные оказались больными и нетрудоспособными... Охрана Музея отсутствует, наблюдение осуществлялось Куликом и Львовским»²². В марте 1942 года тяжело больного П. Д. Львовского на посту начальника ленинградской команды АИМ сменил интендант 2-го ранга Петр Иванович Воробьев, трагически погибший в январе 1944-го²³.

Музей и оставшиеся в живых его сотрудники боролись, жили, работали. Так, сотрудниками АИМ в 1942 году была создана передвижная выставка ленинградских художников-фронтовиков для работы в госпиталях. С января 1943-го активизировалось пополнение фондов трофеями и реликвиями, собранными в частях Ленинградского фронта²⁴. Всего за время войны музейщики ленинградской команды АИМ собрали 19 969 реликвийных и трофейных предметов²⁵.

Сотрудники-ленинградцы подготовили ряд лекций: «О боевых традициях и реликвиях нашей Родины», «Бережно охранять боевые традиции и реликвии», «Боевые трофеи и реликвии нашей Родины» и др. Продолжались занятия по изучению трофейного оружия, причем даже в госпиталях. 10 ноября 1943 года при музее открылись военный кабинет по изучению трофейного оружия и выставка «Реликвии бойцов и командиров Ленинградского фронта». В июне 1944-го ленинградская команда приняла участие в проводимой Музеем истории религии выставке «Отечественная война 1812 года»²⁶.

В феврале 1944 года начались работы по реэвакуации музея. 31 августа и 14 сентября в Ленинград из Новосибирска были отправлены два

²¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 1. Д. 71. Л. 8.

²² Там же. Л. 15–15 об.

²³ *Маковская Л. К.* Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 90–91.

²⁴ Там же.

²⁵ Фронтовики, надените ордена! Выставка, посвященная 65-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 8.

²⁶ *Маковская Л. К.* Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны... С. 90–92.

эшелона с имуществом, прибывшие к месту назначения 11 и 28 сентября²⁷. Перед сотрудниками музея встали задачи по ремонту здания, выдержавшего 27 прямых попаданий вражеских бомб и снарядов, а также по освождению территории музея от остатков оборудования танкоремонтного завода. Эти задачи были решены в кратчайшие сроки, и уже в октябре 1946 года в музее открылись два зала, посвященные истории артиллерии с древнейших времен до конца Первой мировой войны, в ноябре 1947-го – зал «Советская артиллерия до Великой Отечественной войны», а 7 ноября 1948 года – зал «Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»²⁸.

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны сотрудники как новосибирской, так и ленинградской команд Артиллерийского исторического музея проделали гигантскую работу по эвакуации и сохранению музейных предметов, сбору боевых реликвий и трофеев Великой Отечественной войны, внося достойный вклад в победу Красной армии над немецко-фашистскими захватчиками.

Собранные и сохраненные сотрудниками музея в годы войны реликвии бережно хранятся и экспонируются в современном Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, а в одном из залов есть экспозиционный комплекс, посвященный сотрудникам ленинградской команды АИМ в годы блокады.

²⁷ Новиченко С. Л. Артиллерийский исторический музей Красной армии в годы Великой Отечественной войны. С. 23.

²⁸ Крылов В. М. Взгляд сквозь столетия. С. 318.

Фото 1.
Полковник
Я. Ф. Куске –
начальник музея
в 1935–1946 гг.

Фото 2.
Интендант 1-го ранга
П. Д. Львовский –
начальник Ленин-
градской команды
АИМ в 1941–1942 гг.,
позднее работал
в Новосибирске

Фото 3. Фрагмент выставки «Героическое прошлое русского народа». Новосибирск, 1943

Фото 4. Выставка «Трофеи Отечественной войны» в вагоне Томской железной дороги.
1943

Список сокращений

ВИМАИВиВС – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГДМ – Гатчинский дворец-музей

ГМЗ – Государственный музей-заповедник

ГОПАНО – Государственный общественно-политический архив Нижегородской области

НА ГМЗ «Гатчина» – Научный архив Государственного музея-заповедника «Гатчина»

ОМАК – Объединенный межведомственный архив культуры

ОХМ – Объединенное хозяйство музеев

РАН – Российская академия наук

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГПУ им. А.И. Герцена – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

СПб ГБУК ГММОБЛ – Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда»

СПб ГУПТД – Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

УКППЛ – Управление культурно-просветительными предприятиями Ленгорсовета

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга